Эмигрант. Его высокоблагородие

Автор:
Александр Башибузук

Эмигрант. Его высокоблагородие

Александр Башибузук

Fantasy-worldЭмигрант #1

Казалось бы – всё, жизненный путь определен и нет никакой возможности его изменить. Остается только смириться и жить дальше. Но как вскоре оказывается, провидение имеет на тебя свои планы, и простое желание начать все сначала совершенно неожиданно воплощается наяву. Правда, в несколько оригинальном виде. Авантюрист, мошенник и карточный катала, Александр Говоров волей случая оказывается в теле капитана российской лейб-гвардии, барона фон Нотбека, следующего в Константинополь с тайной миссией. На дворе смутное и страшное для России время, идет 1920 год, войска Белого движения под натиском Красной армии отступают на всех фронтах. Какой путь выберет для себя бывший криминальный авторитет? Постарается воспользоваться случаем и исправить ошибки прошлого, либо опять встанет на скользкую дорожку? Но не всё так однозначно…

Александр Башибузук

Эмигрант: Его высокоблагородие

© Александр Башибузук, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Пролог

Украина. Херсон. СИЗО

1 февраля 2015 года. 20:00

В маленькой двухместной камере на узкой кровати полулежал худощавый мужчина возрастом около сорока пяти лет и читал какую-то книгу с изображенным на ее обложке средневековым рыцарем.

Любой знаток уголовного бытия сразу бы подметил в камере некоторые моменты, мягко говоря, прямо противоречащие режиму содержания в следственных изоляторах. Если небольшой современный холодильник, душевая кабинка и плазменная панель на стене еще были доступны для обычных зэков, правда с большими оговорками и конечно же только в случае их финансовой состоятельности, то вот ноутбук и мобильный телефон, открыто лежащие на столике, уже ни в какие рамки не лезли.

Да и сам обитатель камеры никак не олицетворял собой расхожий образ заслуженного сидельца. Умное, располагающее к себе симпатичное лицо, очки в тонкой золотой оправе, аккуратно подстриженная борода-эспаньолка – он больше всего был похож на научного работника, уровня кандидата или даже доктора наук, за какие-то непонятные провинности угодившего в лапы правосудия. Вполне возможно, даже по ошибке.

Но, несмотря на свой интеллигентный внешний вид, Говоров Александр Вячеславович никакого отношения к науке не имел. Разве что своей кличкой Академик и тем, что получил в свое время два высших образования.

В реальности Академик был профессиональным мошенником и одним из наиболее виртуозных карточных катал[1 - Катала – на уголовном жаргоне – шулер, игрок в карты.] на постсоветском пространстве. И вообще, довольно уважаемым в криминальном мире авторитетом. Хотя никогда и не принадлежал

ни к какой из преступных группировок, будучи убежденным одиночкой.

В данный момент Говоров был арестован украинским судом по запросу Следственного комитета России, в рамках целого букета уголовных дел с общим ущербом в несколько миллионов долларов, и дожидался своей экстрадиции на родину.

Впрочем, надо отметить, что в связи с некоторыми политическими событиями и еще парой моментов вероятность этой экстрадиции была довольно мала.

Неожиданно залязгали замки, после чего с пронзительным скрипом отворилась массивная металлическая дверь. На пороге камеры появился высокий статный, но уже начавший полнеть, абсолютно лысый мужчина с шикарными казачьими усами и в камуфлированном бушлате с погонами полковника.

Он спокойно вошел внутрь, кивком приказал постовому закрыть дверь и притворно строго громыхнул басом:

– Рядовой Говоров, не понял, что за расслабуха?

– Не весели, Леха… – небрежно ответил Академик, потом отложил книгу, неспешно встал и крепко пожал руку полковнику. – Ну что там?

– Да все нормально, – улыбнулся посетитель. – Документы уже пришли из Киева. Как и следовало ожидать, в экстрадиции отказано. Да ты и сам, наверное, уже все знаешь. Завтра с утра пораньше тебя освободят. Уж извини, оформить сегодня просто не успели. – Полковник присел на нары и извлек из внутреннего кармана обычную армейскую фляжку. – Давай пропустим по чуток…

– Ты же знаешь, Леш, я не пью, – поморщился Говоров. – Что-то в последнее время мотор сбоить начал. Вот и сегодня целый день на колесах сижу.

– Так положено, Сашка, – неожиданно серьезно возразил полковник. – Надо помянуть…

– Кто? – коротко поинтересовался Академик.

– Леха Симонов и Виталька Сидоренко… – тихо сказал Алексей и протянул ему наполненную коньяком стопку.

– Как это случилось?

– Под Донецком. В один день… – опустив глаза, ответил полковник. – Леха за наших воевал, а Виталька за ваших… за сепаров. Может, они друг друга и убили. Теперь из нашего отделения только мы с тобой остались…

Академик молча кивнул и с каменным лицом опрокинул в себя стаканчик.

– Вот так… – полковник тоже выпил. – Ну ладно, хватит об этом. Все там будем. Что читаешь?

– Да так, – пожал плечами Говоров, – попаданчество. Закинуло мужика в Средние века, вот и крутись как можешь. Почитай, новая жизнь с чистого листа. Неожиданно интересно.

– А ты бы хотел так? – неожиданно поинтересовался Алексей. – Ну, новую жизнь с чистого листа?

– Ты знаешь… – Говоров на мгновение задумался. – Наверное, хотел бы.

– И что, по-другому прожил бы? – улыбнулся полковник.

– Да, по-другому, – спокойно ответил Говоров. – Совсем по-другому. По крайней мере, постарался бы.

– Не верю, – скептически покачал головой Алексей. – Я ж тебя как облупленного знаю. Но… пусть тебе такая возможность представится. Искренне желаю…

Замначальника управления Государственного департамента Украины по вопросам исполнения наказаний в Херсонской области полковник Охрименко Алексей Иванович действительно хорошо знал своего собеседника. Очень хорошо. Потому что вырос с ним в одном дворе, ходил вместе в школу, вместе ушел в армию и в одной части с ним выполнял в Афганистане интернациональный долг. Это уже потом они поступили в разные военные

училища и их пути разошлись, но отношения Александр и Алексей поддерживали всегда. Даже когда оказались, как говорят, по разные стороны баррикад.

Им было что вспомнить, но разговор не продлился долго. Полковник хотя и занимал второй чин в департаменте, все же не мог так злоупотреблять своим положением. Он условился с Говоровым, что тот навестит его после освобождения, и ушел.

Академик лег на шконку, закинул руки за голову, закрыл глаза и крепко задумался.

Слова Лехи о новой жизни как-то очень сильно его задели. На самом деле, несмотря на то что сейчас он имел всё: деньги, авторитет, любых женщин, Говоров не был доволен своей жизнью.

– А ведь все начиналось правильно… – шепнул Академик и, помассировав область сердца, потянулся к коробочке с таблетками. – Начиналось лучше некуда…

Законченная с отличием школа, служба в армии; не в самых зубодробительных войсках, но в Афгане пришлось настреляться вдоволь, потом военное училище. Да не простое, а политическое, с правильным расчетом на карьеру. Казалось, все идет по накатанной дорожке, но…

– Сука… – Говоров наконец выковырял из облатки таблетку и, скомкав упаковку, забросил ее в угол. – Фуфло, кругом одно фуфло…

А потом, прямо на выпускном банкете Говоров искалечил человека и сел в тюрьму на долгие шесть лет, а там во всей красе проявились уже совсем другие его таланты. Криминальная жизнь затянула и больше не отпустила. Академик пробовал вырваться, даже стал опять учиться, но все тщетно. Нет, в чем-то такая жизнь его все-таки устраивала, но не о том он мечтал с детства.

– А о чем ты мечтал? – зло буркнул Александр сам себе. – О чем?..

Неожиданно сердце пронзила сильная режущая боль. Говоров попытался встать, дотянуться до кружки с водой и навзничь упал на пол. Когда постовой его заметил и вызвал врачей из санчасти, было уже слишком поздно…

Глава 1

Черное море. Нейтральные воды.

Пароход «Димитрий».

19 января по старому стилю. 1920 год. 21:00

Сознание вернулось мгновенно. Не открывая глаз, я по инерции положил руку на левую сторону груди и облегченно вздохнул: боль бесследно прошла, сердце билось уверенно и ровно.

– Надо бы серьезно подлечиться… – буркнул я сам себе и перевернулся на бок, в надежде еще немного вздремнуть. – Так и сдохнуть недолго. Что за?..

Рука вдруг наткнулась под подушкой на что-то твердое, по ощущениям напоминающее какой-то продолговатый металлический предмет.

– Не понял… – я резко сел и недоуменно уставился на увесистый пистолет на своей ладони.

Компактный, плоский, матово отблескивающий идеальным черным воронением, со скупой, но элегантной серебряной гравировкой на затворе, с костяными щечками на рукоятке, немного похожий внешним видом на «Тульский-Токарев» – пистолет всем своим видом намекал, что он настоящее боевое оружие. Как бы в подтверждение этого от него вкусно пахло оружейным маслом и едва уловимым кислым ароматом пороха. Мгновенно сказалось увлечение оружием, память сразу же определила марку пистолета – находка оказалась кольтом Model 1908 Pocket Hammerless под патрон.380 ACP.

«Недавно в деле был… – я машинально выронил ствол на постель и лихорадочно быстро стер с него простыней отпечатки пальцев. – Паленый, сука!»

Находка никак не укладывалась в голове. Откуда? Вопрос решался через уважаемых людей, с самим министром внутренних дел, и решился благополучно. Но к чему такой прогон? Еще хотят лавэ сбить? А это уже откровенное кидалово. За такое спросят даже с министра. Хотя в этой богом забытой стране сейчас можно на что хочешь нарваться. Что делать?..

Неожиданно кровать плавно качнуло. Я вырвался из раздумий и глянул по сторонам. И чуть не потерял сознание от ошеломления. Вместо камеры я находился…

Узкая койка, привинченная к полу, небольшой откидной столик, выглядывающий из-за зеленой плюшевой занавески круглый иллюминатор в начищенной латунной оправе, на стене какой-то архаичный прибор, очень смахивающий на барометр…

Судя по всему, я нахожусь в каюте на каком-то судне. Причем это судно в движении – корпус едва заметно дрожит от вибрации двигателя. Тут не перепутаешь: плавали, знаем.

– Что за фуфел? – я мигом слетел с койки, рванул занавеску и заледенел, разглядев в полумраке серую, подернутую рябью морскую гладь. – Стоп… Думай, думай, поц пришибленный… Получается… получается, что пока я валялся в беспамятстве с приступом, меня уже освободили и теперь… теперь увозят морем в Турцию?

От сердца немного отлегло, потому что подобный ход событий планировался. Правда, в других временных рамках, но…

Я случайно глянул в небольшое настенное зеркало и в очередной раз оторопел. Нет, не оторопел, а едва не рехнулся, потому что… Да потому, что из него на меня смотрел совершенно незнакомый человек.

Угрюмая заспанная морда с резкими, рублеными чертами, короткая прическа на пробор, узкая щеточка аккуратно подстриженных усов под немалым носом с хорошо заметной горбинкой, мощная бычья шея распирает воротничок со

старомодными закругленными кончиками, под мятой белой свободной сорочкой угадываются покатые борцовские плечи, жилетка из муарового шелка, часовая цепочка сложного плетения свисает из карманчика.

Машинально вытащил часы… Ого, «Лонжин», три крышки, репетир, платина? Нет, все-таки серебро, зачерненное под старину. Тут не перепутаешь, раритетный аутентик, однозначно. Российский двуглавый орел, герб значитца… и гравированная надпись: «За отличную стрельбу». Ничего не понял. Часы, конечно, знатные, тут не поспоришь, минимум полтос зеленых президентов сейчас стоят, но откуда они у меня? Братва подогнала? Странно…

Продолжая себя исследовать, я вытащил за цепочку скрытый под рубашкой крестик. Тоже не мой. У меня новодел, а это… Золото червонное, сам очень простой, можно даже сказать, грубого вида. С какими-то рунами на гранях. И явно не стилизация под старину, в этом я немного понимаю. Кабы не пятнадцатый-шестнадцатый век. Если еще не древнее.

Засунув крест обратно, я опять уставился на свое отражение. Нет, не я, однозначно не я. Это факт. Мало того, судя по виду, тип моложе лет на двадцать, если не больше.

– Б**… – я в первый раз за много лет выругался матом. – Что за хренотень?

Мужик в зеркале слово в слово синхронно повторил мои слова. Находясь на грани сумасшествия, я для чего-то подмигнул ему и тут же получил в ответ то же самое.

– Ты – это я?.. – вопрос, заданный отражению, оказался абсолютно лишним, потому что и так было понятно: мужик в зеркале – это я и есть. То есть не я, но…

– Капец… – не в силах справиться с самоидентификацией, я приземлился на кровать. – Точно рехнулся. Или под какой-то дурью галюны ловлю.

Нет, а что я должен чувствовать, убедившись, что какая-то нечистая сила сперла мое родное тельце, взамен подсунув чужое? Моложе, здоровее, но чужое. Не, так не бывает. Значит, на самом деле рехнулся. Веселенькое приключение получается. Так, надо бы для начала взять себя в руки.

Что мы имеем? Я уже не в Херсонском централе – и это уже хорошо. Идем дальше. Моя пятидесятидвухлетняя, хорошо траченная молью тушка куда-то исчезла, сменившись молодым здоровым телом с брутальной мордой. Это, мягко говоря, необычно, но тоже неплохо, потому что мозги Говорова Александра Вячеславовича остались при мне. Вроде пока все, остальное надо прояснять.

– Ну что же, приступим… – я встал и первым делом шагнул к порогу каюты, где обнаружил, что дверь заперта на массивный засов с моей стороны.

После чего опять отправился к зеркалу, но не дошел до него, остановившись перед столиком.

– Надо же… – я взял в руки полупустую бутылку с этикеткой, ненавязчиво сообщавшую, что это коньяк производства поставщика его императорского двора некого Шустова. – Классно под старину сработано. Или настоящий раритет? А на вкус? Надеюсь, у этой тушки с мотором все в порядке…

Не удержавшись от соблазна, набулькал немного янтарной жидкости в простую граненую стопку и осторожно пригубил. Опасения оказались напрасными – коньяк оказался на вкус довольно неплох, вновь приобретенное тело тоже среагировало должным образом – сумбур в голове потихоньку стал утихать.

– Гм, недурно… – я остановил взгляд на охотничьем ноже финского типа с оправленной в серебро роговой рукояткой и откромсал им кусок сухой колбасы, лежавшей на вощеной бумаге рядом с бутылкой. – Из оленины, что ли? Весьма…

После чего, дабы завершить гастрономическое наслаждение должным образом, я поискал глазами курево и взял со стола плоский портсигар черненого серебра, опять же с накладным гербом. Нажал на овальную кнопку, выточенную целиком из фиолетового камня, и обнаружил, что внутри пусто. Не понял, где сигареты? Кто выкурил?

И сразу же наткнулся взглядом на початую коробку с папиросами.

– Что тут у нас? – глянул на картинку, украшенную рельефными медалями каких-то выставок, и прочитал вслух, с каждым словом охреневая все больше и больше: – Папиросы крученыя, фабрики И. К. Соколова, Царь-Пушка, Санкт-Петербург, двадцать пять штук – пятнадцать копеек? Чего?.. – не веря своим

глазам, я оторвал от пачки клочок акцизной марки. – 1916 год… тысяча девятьсот шестнадцатый? Да ну нафиг?!! Да они за сто лет давно бы уже в пыль превратились…

Вот тут до меня наконец-то стало доходить. Конина и курево образца начала прошлого века, древний пистоль, архаичный прикид, да все вокруг не такое – явно несовременное!

Срочным порядком употребил еще пару глотков коньяка, потом крутнул колесико серебряной бензиновой зажигалки, украшенной замысловатой монограммой, подкурил папироску и глубоко затянулся.

– Черт… – причудливый клубок дыма поплыл по каюте. – Неужели так бывает по жизни? Вот это сподобился…

Сразу вспомнился разговор с Лехой, где я выразил желание все начать с чистого листа, как в книге про бедолагу, занесенного неведомой силой во Францию пятнадцатого столетия.

– Типа боженьке в уши, да? – поинтересовался я у Николая Чудотворца, смотревшего на меня суровым печальным взглядом с дешевой иконы на стене. – С какой-такой радости? За какие заслуги? Ты уж не гневайся за дерзость; я не жалуюсь и не ропщу, просто немного охренел от такого пассажа. Кстати, на каких условиях? Помнится, что я обещал завязать. Так вот, я серьезно подумаю над этим. Ну, что скажешь?

Никола ничего не ответил мне, вместо этого в дверь деликатно постучали и вежливый голос сообщил:

– Прошу прощения, капитан приглашает вас к себе в салон.

– Позже, – неожиданно грубо рыкнул я в ответ. – Сейчас я занят.

И подивился небрежным господским ноткам в своем голосе. М-да… а паренек, в которого меня занесло, явно не из рабочего класса. Неужто из графьев?

– Извините… – настойчиво, но по-прежнему вежливо возразил голос за дверью. – Мне поручили срочно сопроводить вас, дело не терпит отлагательства. Возможно, в скором времени придется покинуть корабль.

Одновременно с его последним словом судовая машина стихла.

«Вот же попадалово, – ругнулся я про себя. – Этого еще не хватало. Но ладно, как раз разузнаю, куда мы направляемся, да проясню ситуацию в целом. Не могу же я постоянно сидеть в каюте…»

– Сейчас…

Покрутил в руках пистолет, немного поколебался и сунул его сзади за пояс, прикрыв жилетом. Потом вдел ноги в полуботинки и открыл дверь.

– Что случилось?..

Стоявший на пороге плотный кудрявый парень в затертой матросской форменке приветливо улыбнулся, а затем от души врезал обмотанной тряпкой трубой прямо мне по голове.

Несмотря на то что удар пришелся слегка вскользь, я не устоял ногах и рухнул как подкошенный на пол. Голова отчаянно кружилась, сильно тошнило, но каким-то чудом остался в сознании.

– Шмонайте и вяжите этого ферта, – как сквозь туман доносились уверенные команды. – Каюту запереть, ключ сюда. Чтобы не было лишних базаров при дерибане. Живо, живо…

Меня быстро, но небрежно охлопали, потом туго стянули чем-то руки, после чего хриплый прокуренный голос негромко доложился:

– Готово, Мирон. Чистый аки младенец.

– Рыжий, вяжи его и в кают-компанию к остальным, – распорядился Мирон. – Лютый, Панас, Петруха, вы со мной. Будем брать Шмуклеровича с его лярвой. Да тише, тише, идиоты, не топайте как бегемоты…

– Подъем, морда буржуйская, – меня как пушинку за шиворот вздернули на ноги. – Ужо отольются тебе слезки рабочего класса. Похлебаешь ртом дерьма вдосталь…

Я благоразумно промолчал и, едва перебирая конечностями, побрел в направлении полученного в спину тычка. Морда буржуйская? Слезы рабочего класса? Как-то это неубедительно прозвучало. Переигрывает фраер, явно переигрывает. Тут дело пахнет банальным гоп-стопом. Но все равно, вот как это называется? И стоило огород городить с переносом в другую ипостась, чтобы тут же угробить обновленца руками негодующего пролетариата. Спасибо! От души благодарен. Сука, как чердак болит…

Через десяток шагов я наконец немного пришел в себя и немедленно грохнулся на пол, чтобы глянуть, кто выступает за конвоира. И чуть не заорал в голос, когда провалившийся в кальсоны пистолет ткнул меня стволом в мужские причиндалы.

– Чегой-то ты квелый какой-то… – в поле зрения появился весь бугрящийся мускулами коротышка с побитой оспой красной рожей и огненно-рыжими волосами. – А ну вставай, буржуйская морда! Вставай, говорю, иначе получишь пулю в башку… – Рыжий больно ткнул меня стволом револьвера в скулу. – Слышишь, что говорю?..

«Рамсы попутал, дырявый?! На кого клавиши щеришь, сявка?». – Внутри меня плеснулась дикая ярость. Но тут же прошла. Не время и не место. Ничего, позже сочтемся.

– Уже-уже… – бочком, стараясь, чтобы пистолет не вывалился из штанов, я встал на ноги.

– То-то же! – довольно реготнул конвоир и еще раз пнул меня. – Шевели ходулями…

Через несколько шагов мы подошли к трапу, ведущему на верхнюю палубу. А возле него наткнулись на двух парней, в такой же матросской робе, как у остальных представителей «пролетариата», конвоирующих здоровенного и широкого как шкаф мужика в длинном сюртуке купеческого типа. Заросший

курчавой бородищей словно медведь, мужик был мертвецки пьян, едва стоял на ногах и люто благоухал ядреной смесью одеколона, спиртного и копченой колбасы с чесноком. Бородач выглядел настолько забавно и безобидно, что ему даже не стали связывать руки.

– Геология это вам… ик… – едва ворочая языком и грозно тараща глаза из-под кустистых бровей, вещал он. – Это вам не хухры-мухры, а точная наука, епть! Неучи! А кто свидетельствует, что матушка Земля плоская – еретики! Гореть им в геенне огненной! Прости мя, Господи! Боже, ца-а-аря хра-а-ни!!! – закончив с «точной» наукой, затянул он и начал торжественно осенять всех крестными знамениями.

После некоторой заминки бородача все-таки протолкнули по трапу наверх, после чего, вместе со мной, наконец подвели к двустворчатой двери из красного дерева. Рядом стоял на посту длинный и нескладный, совсем юный матросик с какой-то архаичной фузеей у ноги.

– Ага. Еще два буржуя, – ломающимся баском довольно протянул он, большим ключом с замысловатой бородкой отпер амбарный замок и распутал цепь на ручках двери. – А ну заходи, пережитки прошлого. И тихо мне. Услышу хоть словечко, пущу пулю в лоб не задумываясь!

– Так их, Сява, так… – хохотнул рыжий и вслед за бородатым любителем геологии втолкнул меня в кают-компанию.

«Очередная “хата”, – грустно подумал я, остановившись за порогом. – М-да… и в новой жизни не смог избежать. Видать, судьба такая. Ну что, сидельцы, принимай заслуженного арестанта…»

Сидельцев в кают-компании оказалось ровно пятнадцать человек. Пятеро матросов разного возраста, шестой – пожилой мужик с сильно разбитым лицом и в форменной морской тужурке, еще один помоложе, в такой же, только, судя по рантам на рукавах, рангом пониже, и восьмой – носатый еврей с печальными как у Моисея глазами, в белой поварской куртке. Эти сидели в рядок на полу возле стены. Напротив расположилась закутанная в пуховую шаль очень важная с виду пышная матрона с пунцовым от злости брылястым лицом, а к ней прижимался козлобородый, сухонький мужичок в сюртуке и подштанниках. Рядом пристроился еще один дородный мужчина в шитом золотом бархатном

халате, с расчесанной на пробор шикарной седой бородой. Завершали счет две девчушки, лет по пятнадцать возрастом, в ночных рубашках и хлюпающий носом мальчик вполовину младше. Эти жались, как цыплятки, к удивительно красивой даме с припухшими заплаканными глазами, одетой в роскошный пеньюар нежно-кремового цвета.

У всех, включая детей, были связаны руки.

Бородатый геолог купеческого вида, пьяно бормоча, примостил седалище там же, где стоял, подперев дверной косяк широченной спиной, и тут же захрапел, а я, немного поразмыслив, направился к повару, возле которого было немного свободного места. Кроме того, он показался мне самым вменяемым из всех. Толком не знаю почему, возможно из-за того, что взгляд носатого был не такой затравленный и потерянный, как у других. Хотя и полный вселенской печали.

– Приживайтесь, присаживайтесь, пожалуйста, – кок сразу гостеприимно подвинулся. – Ай-ай, эти шлемазлы таки вам рассадили голову, штоб им жаба титьку давала. Ойц, пардоньте, ради бога, а я не представился. Самуил Эныкович Вейсман – кок, то есть повар, если по сухопутной терминологии. Вот уже двадцать пять лет как.

– Очень приятно… – буркнул я ему. Пытаться достать пистолет со связанными за спиной руками даже не стоило пробовать, поэтому я решил сначала немного прояснить ситуацию. – Слышь, Эныкович… а где это мы?

Ничуть не удивившись абсурдности вопроса, кок охотно и быстро доложился:

– Товаро-пассажирский пароход «Димитрий». Принадлежит или принадлежал, увы, не знаю, как правильней сейчас сказать, акционерному обществу «Шмуклерович и компания». Следовали в Константинополь, чтобы доставить туда всех здесь присутствующих достойных людей, еще нескольких пока отсутствующих, и самого владельца парохода, господина Шмуклеровича с супругой, чтоб ему пусто было.

– А я как сюда попал? – я осторожно пошевелил затекшими пальцами. – Уж извини, Эныкович, как по башке дали, все забыл.

– Вы прибыли вчера ночью на извозчике, – невозмутимо ответил еврей, – имели короткую беседу с хозяином этой лоханки, после чего для нас сразу нашелся уголь, а вы закрылись в каюте и больше не выходили. С рассветом мы ушли из порта на внешний рейд, где приняли на борт остальных. Это был еще тот гармидер. Дамы верещали, как моя покойная Сонечка, когда узнала, что я хожу к Сарочке. Как я понял, Шмуклер решил провернуть свой гешефт, взяв за круглую денежку вам попутчиков.

Кока вдруг перебил сухонький мужичок, испуганно жавшийся к дородной даме.

– Замолчите! – испуганно зашипел он, истерично тараща глаза. – Нас всех из-за вас убьют. Предупреждали же, чтобы молчали…

Но и он не договорил, потому что схлопотал локтем в бок от матроны, лязгнул зубами и жалобно заскулил, роняя слезы на палисандровый паркет.

– Казимир Карлович Малевич с супругой, Дорой Ипатьевной, – ничуть не смутившись, прокомментировал еврей. – Лучший адвокат в городе. Был. Если бы вы знали, как он вел процессы! Это песня, а не…

– Понятно, – оборвал я его. – Что случилось?

– Команда взбунтовалась, – горестно вздохнул Вейсман. – А заводилой у них Мирон Ковалевич, машинист наш. Говорил я господину капитану, чтоб гнал поца этого, ан нет, не послушался Алексей Иванович. Некем было заменить. Он самый опасный из всех. И еще рыжий, Хвалько Валентин. Остальные так, бакланы…

– Сколько их? Чем вооружены?

– Семь голов. Вооружены?.. – кок наморщил лоб. – Револьверы есть точно. И винтовка, кажется. Одно.

– Почему их так мало? Где остальная команда?

– Так и пароходик небольшой, – снисходительно объяснил Самуил. – К тому же команда в сильном некомплекте. Уже давно. Еще пятеро матросов, капитан, второй помощник и я, ваш покорный слуга, отказались брать грех на душу. Вот и

все.

– Понятно. Грызи.

– Простите? – У еврея полезли глаза на лоб.

Я слегка развернулся и пошевелил кистями:

– Живо.

– Но…

– Тихо! – рядом со мной вдруг оказался любитель геологии. От бородатого по-прежнему дико разило перегаром, но в глазах уже не было даже следа опьянения, совсем наоборот, они стали колючими и цепкими, как у злой сторожевой собаки. Он обвел остальных пленных грозным взглядом, прижал похожий на сардельку палец к губам, а потом шепнул мне: – Я все сделаю…

Вот это новости. А как талантливо изображал бухого в стельку. Красавец, ничего не скажешь. Недолго думая, я подставил ему руки, не переставая следить за входом в кают-компанию.

За дверью раздавались звуки губной гармошки. Силуэта постового через витражные стекла двери заметно не было. Ага, где-то в стороне музицирует, фраерок. А что, может и прокатить. В любом случае выхода другого нет. Как-то мне не хочется проверять на себе гуманность этих рэволюционэров. Обчистят до нитки и в воду. Пролетариат, он такой пролетариат…

Уже через пару секунд руки были свободны. Я быстро залез рукой в штанину и вытащил пистолет. У всех в кают-компании сразу полезли глаза на лоб, но тут же вернулись обратно, после демонстрации внушительного волосатого кулачища купчины.

Так, что тут у нас? Ага, два предохранителя, курок скрытый. Защелка магазина неудобная, быстро не перезарядишься. Впрочем, нет у меня запасного магазина. А вообще хорошая машинка. Оружие я люблю и знаю, правда, с практическим его применением у меня совсем неважно. Особенно с пистолетами. Так,

постреливал по случаю, но не часто. И не по людям. С «калаша» садил в свое время, по бородатым в Афгане, и даже попадал, но это было очень давно и успело почти забыться. Да и не люблю я по людям стрелять. Не моя это специализация. Но тут ничего не поделаешь, да и дурное дело вспоминается быстро. Так что вперед, Академик, тебя ждут великие дела. Эх, не по масти мне становиться мокрушником, но ладно…

Я быстро проверил магазин, облегченно выдохнул, обнаружив, что он полный, после чего загнал патрон в патронник.

Теперь план действий. Часового надо убирать однозначно. И желательно тихо. Дальше посмотрим по ситуации. Главное, не ввязаться в перестрелку, патронов у меня всего семь, особо не разгуляешься.

– Зовут как?

– Александр Николаевич Даценко, значитца, мы, – отчего-то упоминая себя во множественном числе, сообщил бородатый громила, обдав меня жутким перегаром. – Купеческого сословия. Состоим в первой гильдии.

– А геология? – не удержавшись, поинтересовался я.

– Уважаю я сию науку, – строго сообщил купец. – Ибо землестроению основой оная.

– Понятно. Обезвредишь постового, когда он войдет сюда? Только все надо сделать тихо.

– Угум-с… – солидно кивнул купчина. – Сделаем в лучшем виде.

Я проследил за тем, как он занял место около двери, и тихонечко переполз к жене адвоката.

– Дора Ипатьевна. Тут такое дело. Надо бы покричать. Жалобно, испуганно, чтобы часовой зашел внутрь.

– Что вы себе… – пискнул козлобородый, но увидев ствол пистолета перед носом, опять заткнулся.

Матрона мгновение промедлила, внимательно заглянула мне в глаза и кивнула.

– По сигналу… – я обаятельно ей улыбнулся, переместился на свое место, приготовился взять на прицел дверь и жестом дал команду начинать.

Дама гулко прокашлялась, помассировала себе горло и, глубоко вздохнув, запричитала неожиданно густым басом:

– Ой-ой, помира-а-аю!!! Пама-а-агите, люди добрые! В грудях дави-и-ит. Ж-жеть, мочи прям нет. Ой-ей, помира-а-аю… Дайте воды, водички-и-и дайте…

В ее голосе было столько жути и страданий, что даже я проникся. Видимо, постовой гармонист тоже, потому что уже через секунд он влетел в кают-компанию и, воинственно потрясая своим винтарем, заорал:

– А ну заткнись, курва старая…

На слове «старая» фраза закончилась, потому что купец с размаху шваркнул парня по темечку кулаком. Сверху вниз, как молотом.

Постовой утробно хрюкнул и с жутким грохотом рухнул на пол.

Я про себя зло выматерился и метнулся к двери. Вот же… Тебе бы быков на бойне глушить, а не часовых снимать. Громила хренов…

К счастью, в коридоре никто так и не появился. Я уступил место Александру Николаевичу, уже вооружившемуся древней винтовкой системы Бердана № 2[2 - Винтовка Бердана № 2 – состоявшая на вооружении в Российской империи во второй половине XIX века, однозарядная винтовка под унитарный патрон центрального воспламенения с металлической гильзой и дымным порохом, с продольно-скользящим затвором, калибра 4,2 русской линии, что соответствует 10,67 мм.], и быстро обшмонал постового.

У него, помимо винтаря, еще нашелся длинный мясницкий тесак и тяжелый как топор «смит-вессон», той самой, «русской»[3 - 4,2-линейный (10,67-мм) револьвер системы Смита-Вессона (русская модель) – американский револьвер, использовавшийся в армии США и Российской империи в XIX веке. Револьвер имеет переломную рамку, обеспечивающую извлечение стреляных гильз при наклоне ствола вниз.] модели.

– Это мой, – тихо сказал капитан. – Отобрали, сволочи.

– Вы в состоянии помочь нам? – я переломил револьвер, проверил патроны в каморах барабана и закрыл его опять.

Моряк поморщился и отрицательно мотнул головой. Да, тут не поспоришь, отделали его на славу. Едва дышит, наверное, ребра поломаны, да и лицо всмятку, опухло так, что глаза в щелочки превратились.

– Я помогу, – с готовностью вызвался второй помощник. – Вебер Илья Ипполитович. Стрелять обучен.

Я немного поколебался, перерезал ему путы на руках и сунул «смит-вессон» рукояткой вперед. Морда решительная, в глазах злость, вроде как должен справиться.

– Вы как? – я глянул на матросов.

– Поможем… – ответил самый пожилой из них, лысый как яйцо худой мужик в измазанном маслом рваном тельнике. Остальные молча закивали. Особого желания у них на лицах не светилось, но и на том ладно.

– Хорошо, держи, – я предал лысому тесак. – И освободи всех. Илья Ипполитович, ваша с матросами задача охранять женщин и детей. До тех пор, пока мы не вернемся. Забаррикадируйтесь здесь и ждите.

– А если вы не вернетесь? – с кислой рожей переспросил адвокат. Его жена с досадой хлопнула руками по бедрам, совсем было уже собралась осадить муженька, но ее опередил белобородый в халате.

– Постыдились бы. Живо прекратите! – презрительно рыкнул он на Казимира и, уже обращаясь ко мне, спокойно сказал: – Позвольте представиться, действительный статский советник, Илларионов Георгий Иванович. Вы не обращайте на него внимания, молодой человек. Делайте свое дело, а мы тут сами справимся.

Я кивнул и посмотрел на Вейсмана.

– Самуил Эныкович, нам будет нужен проводник по кораблю.

– Почему сразу я? А без меня никак? Веиз мир! И что я с этого буду иметь, кроме дырки в голове? – сразу возмутился кок, но все-таки встал. – Мало нам гембеля… Ну никуда без старого еврея. Хорошо, хорошо…

– Вы со мной? – поинтересовался я у купца.

– Угум-с… – ответ любителя геологии оказался предельно кратким.

– Тогда вперед…

Но, прежде чем я покинул кают-компанию, сорвалась с места дама в пеньюаре. Она быстрым шагом подошла, торжественно перекрестила меня, скромно чмокнула в лоб и, опустив глаза, застенчиво прошептала:

– Я Вера… Вера Александровна Соломина. Мое сердце с вами, мой герой…

Ее девочки прощально замахали мне ручками, а пацан скорчил рожу и показал язык.

М-да…

Когда мы вышли в коридор, я поинтересовался у кока:

– Самуил Эныкович, где взбунтовавшиеся матросики могут сейчас быть?

– Я вам что, провидец? Уверяю, совсем нет, – сварливо хмыкнул повар и тут же, по своему обычаю, сменил гнев на милость: – Но могу подумать. Машина не под парами, судно в дрейфе, таким образом, могу предположить, что на мостике никого нет. Тогда где эти шлемазлы? Где, где… П-фе… Конечно же всем кагалом курвят Шмуклера на предмет лавэ, которое он снял с пассажиров за спасение от красных.

– И много взял? – не задать этот вопрос я просто не мог.

– С меня пять тысяч, – угрюмо буркнул купец. – Золотом…

– А с Кази шесть, – тут же наябедничал еврей. – Только французскими франками и британскими фунтами. Я слышал, как он жалился своей мадам, что Шмуклерович обобрал его до нитки.

– Где деньги передавали?

– На борту, а где же еще, – повар ухмыльнулся. – Как я понял, Шмуклер в фатерлянд больше возвращаться не собирается. Думаю, с остальных взято в примерных размерах. Вот только в какой валюте, увы, не знаю. Но уж точно не теми смешными резаными бумажками. Изя ни за что не продешевит. Еще тот поц.

И тут же раздраженно отвел пальцем от себя ствол берданки, которым Даценко ненавязчиво тыкал его в бок.

– Я вас умоляю, уважаемый, уберите в сторону свой винт. Мне еще не хватало на старости лет схлопотать лишнюю дырку в моем драгоценном организме.

Купец с шумом втянул в себя воздух, показалось, что он сейчас разорвет еврея на клочки, но любитель геологии поступил совсем иначе. Он просто сунул свою берданку Самуилу Эныковичу в руки, потом оглянулся по сторонам и рывком выдрал внушительное не ошкуренное березовое бревно, подпирающие какую-то трубу под потолком в коридоре. Тут же просветлел лицом и играючи взял деревину наперевес.

Вылитый Илья Муромец, етить…

Так и пошли воевать. В авангарде я с пистолетом, за мной купец с дубьем на плече, а арьергардным порядком следовал похожий на попугая Гошу еврейский кок с древней фузеей. Черт знает что и сбоку бантик.

Да-да, это как раз тот случай.

Глава 2

Черное море. Нейтральные воды.

Пароход «Димитрий».

19 января по старому стилю. 1920 год. 23:30

Как ни странно, но мы без всяких приключений добрались почти до самой каюты хозяина парохода. Видимо, хреновы повстанцы так увлеклись, «курвя» Шмуклеровича на лавундер, что абсолютно забили на предосторожности.

Как и что делать дальше, я даже себе не представлял. В любых вариантах развития событий расклады рисовались не в нашу пользу. Но…

– Тихо!.. – мне вдруг послышались какие-то странные звуки. А если быть точней, цокот дамских каблучков по деревянному полу. Еще одна пассажирка?

Словно догадавшись о моих мыслях, Вейсман энергично закивал.

– А ну стоять! – за поворотом в основной коридор громыхнул хриплый голос того самого рыжего фраера, что конвоировал меня. – Куда намылилась? Ко мне иди, цыпа…

– Иду уже, иду… – в ответ раздался хныкающий плаксивый женский голосок. – Вы же меня не убьете? Ну пожалуйста…

– Это смотря, как себя вести будешь, – глумливо хохотнул парень. – Ты смотри, пропустили в спешке такую красавицу…

Сразу после этих слов раздались два едва слышных щелчка, а потом что-то тяжелое глухо упало на пол. Не понял?

Я осторожно выглянул и увидел в коридоре высокую стройную женщину в парчовом длинном халате, осторожно трогающую вышитой бисером меховой тапочкой распростертое на полу неподвижное тело. На голове у нее был намотан массивный тюрбан из пушистого махрового полотенца, в правой руке она держала объемистую сумку, а в левой поблескивал маленький никелированный пистолетик.

Вейсман вдруг громко чихнул – и в то же мгновение меня взяли на прицел. Двигалась дама на удивление проворно.

– Свои… – громко выдохнул я, на всякий случай отпрянув назад. С такой станется, влепит пулю и даже не спросит, как зовут. – Свои, говорю, опустите оружие.

– Свои, свои, – с готовностью подтвердил кок, с опаской высунув свой нос из-за угла. – Я вас сегодня кормил супчиком из кефали с раковыми шейками…

– Ой! – обрадованно охнула женщина и, причитая на ходу, стремительно метнулась к нам. – Я уже шла в каюту из туалетной комнаты, а тут эти негодяи. Один… потом второй… Я так испугалась, так испугалась… К счастью, по чистой случайности в сумочке оказался мой браунинг…

– Простите… – я внимательно заглянул девушке в лицо. – Так вы уже двух… того…

– Ага… – дама истерично всхлипнула, несколько раз хлопнув длинными ресницами. – Мне та-а-ак страшно. Вот… – и вытащив из сумочки двумя пальцами еще один «смит-вессон», протянула его мне.

Надо сказать, несмотря на текущие по щекам дорожки слез и припухшие веки, выглядела она очень симпатично. Смуглая кожа, большущие карие глаза, носик

с едва заметной горбинкой, ярко очерченные алые губы, выпавший из-под тюрбана на висок волнистый иссиня-черный локон – скорее всего, к славянской крови примешивалась добрая толика кавказской, а возможно, даже латиноамериканской.

– Простите, – незнакомка вдруг очаровательно потупилась, успев оценивающе стрельнуть на меня глазами, – я не представилась. Княгиня Кетеван Орбелиани.

– Все потом, – я с трудом оторвал от нее взгляд, забрал револьвер и передал его Даценко. – Присоединяйтесь. Без команды даже не вздумайте палить. И ни шага в сторону.

Княгиня скорчила обиженную рожицу и пристроилась к нам в арьергард. Но замыкающей побыла недолго, потому что хитрый кок еврейской наружности как бы невзначай совершил сложный замысловатый маневр и опять оказался позади всех.

Нет, в самом деле, черт знает что. С более странной компанией мне никогда не приходилось ходить на дело. Хотя справедливости ради надо сказать, что я по жизни одиночка и почти всегда работаю один.

С трупа удалось разжиться почти новеньким «солдатским»[4 - «Солдатский наган» – модификация револьвера Нагана одинарного действия, требующая ручного взведения курка после каждого выстрела.] наганом с полным барабаном и десятком патронов россыпью. Княгиня, как там ее, видимо с перепугу, снайперски точно влепила ему одну пулю прямо в глаз, а вторую в переносицу, так что теперь рыжий выглядел не очень фотогенично.

О том, что каюта Шмуклеровича уже близко, засвидетельствовали звонкие вопли, эхом раздававшиеся в коридоре.

– А-а-а!!! Бабушку свою лапай, халамидник коцаный!.. – как пожарная сирена вопила какая-то женщина. – Штоб тебе хавло попрыщило, жертва аборта…

– Циля Абрамовна, – пояснил Вейсман и сладострастно причмокнул пухлыми губами. – Не женщина, а просто вулкан Везувий. И знаете, я за нее совершенно спокоен.

– Да отдай ты этим шлемазлам ключ… – в унисон женскому голосу заливался мужской тенор. – Они ж тебя изнасилуют…

– Твои слова да Богу в уши, может? дождусь на старости лет немного счастья… – верещала дама. – Нет у меня никакого ключа! Насилуйте на здоровье, штоб у вас цыцюрки поотпадали…

– Из его каюты, кроме как в коридор, другие выходы есть? – у меня в голове начали формироваться зачатки плана.

– Нет, – мотнул патлатой головой кок.

– Значит, слушайте сюда. Надо сделать так, чтобы эти идиоты выскочили наружу… – Я быстро изложил диспозицию и распределил личный состав по местам. – Николаевич, давай…

Купец довольно ощерился, хекнул и, мощно замахнувшись, врезал своим бревном по переборке. Громыхнуло так, как будто пароход врезался в айсберг.

Гомон в каюте мгновенно стих, но почти сразу возобновился.

– Что за дела?!!

– Да нас на банку снесло, идиоты!

– Какая здесь банка, малахольный!..

– Давай на мостик!..

– Сам иди, нашел дурака!..

Я досчитал до трех, высунулся из-за угла, приготовился стрелять, рассчитывая, что матросики выскочили в коридор, но никого там так и не увидел. Блин, стратег хренов. Ну что же, пойдем длинным путем…

– Эй, малахольные, отзовитесь, – я позаимствовал у купца «смит» и пальнул в приоткрытую дверь Шмуклеровича. Пуля с треском эффектно выломала кусок филенки, а в каюте моментально наступила полная тишина, почти сразу же нарушенная торжествующим и неимоверно ехидным голосом Цили Абрамовны:

– Ага, халамидники, а я таки говорила, что будет вам кадухес на всю морду!

– Заткните пасть этой лярве!.. – бешено заорал Мирон и наглым тоном поинтересовался: – А кто говорит такой смелый?

– Кристобаль Хозевич Хунта, – процедил я в ответ. – Но я сомневаюсь, что тебе, вшивик, о чем-то говорит это гордое имя. Слушай сюда, даю ровно три минуты, чтобы сдаться всем своим кагалом. В этом случае я посажу вас в лодку и отправлю домой. В противном – можешь сразу начинать себя отпевать. Троих твоих мы уже отправили на тот свет.

– А не боишься, что мы начнем пластать пархатых на ремни? – подпустив истерики в голос, выкрикнул Мирон.

– О чем бы ты ни подумал, фуфлыжник, я сделаю это раньше… – я про себя улыбнулся, какие же они все-таки предсказуемые. – Мне плевать на Сруля и его мадам. Режь на здоровье. Но знай, что через час к этой лоханке пришвартуется миноносец ВСЮР[5 - Вооружённые силы Юга России (ВСЮР) – оперативно-стратегическое объединение белых войск Юга России в 1919–1920 годах, в ходе Гражданской войны. Образованы 8 января 1919 года в результате объединения Добровольческой армии и армии Всевеликого Войска Донского для совместной борьбы против большевиков.] и тогда, вместо букетов цветов, к тебе полетят гранаты. Нет? Ну и пес с тобой.

– Мля, я всегда знал, что это левая затея, – обреченно просипел чей-то голос в каюте.

– Заткнись, сука!.. – взвизгнул Ковалевич. – Он нас на понт берет…

– Да пошел ты… – раздался звук глухого удара, после чего у меня очень вежливо поинтересовались: – А какие гарантии, господин Хунта?

– Мое слово. Как рассветет, валите на все четыре стороны. Но уже без своего пахана. Рожайте быстрей. Мне недосуг долго с вами переговариваться. Сначала выбрасываете стволы, потом выходите сами и, не дожидаясь напоминаний, со всем удобством устраиваетесь мордой вниз.

– Мы согласны! – почти сразу же ответили из каюты. Энергично и с большим желанием ответили. Тут же в коридор полетело оружие, следом выбросили бессознательную тушку Мирона, а уже за ним появились сами матросы.

– И таки мы победили… – уважительно глядя на меня, закивал Вейсман. – Преклоняюсь, господин фон Нотбек. Это было красиво, чтоб я так жил.

– Кто? – по инерции переспросил я и тут же сменил тему разговора. – Самуил Эныкович, надо быстро накормить народ чем-то горячим и выдайте им по чарке. Можно по две. Для снятия нервического напряжения. Но сначала определите пленных в какую-нибудь темницу. Хотя можете их использовать по назначению. Кочегарами, что ли. Александр Николаевич, нам с вами предстоит выкушать немало коньяка, но это чуть потом. Сначала помогите повару. Капитану передайте, чтобы разводили пары и возвращались на прежний курс. Я с ним поговорю позже. Приступайте, господа. Княгиня, я восхищен вашим мужеством. Увидимся за завтраком.

«А мне… – я про себя улыбнулся, шагнул в каюту и закрыл дверь на замок. – А мне предстоит завершить начатое этими сиротами. В самом деле, нельзя же пропускать такой шикарнейший гешефт…»

Семейство Шмуклеровичей смирно сидело, привязанное к креслам. Израиль Львович, полный пожилой коротышка с целой копной курчавых с проседью волос и расквашенным багровым носом, при виде меня как-то странно потупился взглядом. Циля Абрамовна, импозантная роскошная женщина, несмотря на возраст все еще сохранившая свою красоту, совсем наоборот, глаз даже не думала опускать, внимательно рассматривая меня.

– Израиль Львович, Цецилия Абрамовна… – подчеркнуто вежливо я поздоровался с семейством, демонстративно прошел мимо них, сел за письменный стол и положил на столешницу пистолет.

При стуке металла об дерево хозяин парохода сильно вздрогнул и зачастил скороговоркой:

– Господин фон Нотбек, наша признательность вам не будет знать границ. Право слово, мы очень сожалеем за те неудобства, что причинили вам эти негодяи…

Я его почти не слушал, прокачивая взглядом семейку. Евреи… Нет, я ничего не имею против этой нации. Совсем наоборот, даже преклоняюсь пред присущей им предприимчивостью и умом. В самом деле, изумительные и интересные люди. Но работать по ним всегда сложно. Для начала, силой выбивать что-либо из евреев почти всегда бесперспективное занятие, а перехитрить их тоже достаточно трудно. Сами подумайте, этот народ как никто другой столько натерпелся за тысячелетия своего существования, что уже генетически впитал в себя гигантское терпение, потрясающую изворотливость и жуткое упрямство. Да, согласен, при наличии свободного времени, горячий утюг или паяльник могут дать чудесные результаты, но это не наш метод. Нет, тут нужен особый подход. Ну что же, приступим помолясь…

– Вы наш благодетель! – продолжал заливаться соловьем владелец парохода. – Даже не знаю, что бы мы без вас делали…

– Господин Шмуклерович! – лязгнул я голосом, прервав Израиля Львовича. – Уважаемые люди охарактеризовали вас как в крайней степени порядочного человека. И знаете, я им поверил. Но уже начинаю понимать, что меня сознательно обманули. Хотя не исключаю варианта, что эти люди сами сильно ошибались…

Я неплохо владею одесским «диалектом», но сейчас, чтобы не ставить себя на один уровень с клиентом, отказался от него и перешел на сугубо официальный язык.

– Господи боже мой! Да что вы такое говорите! – оскорбленно взвился Шмуклерович. – Георгий Владимирович, право слово, я не понимаю, за что я навлек на себя вашу немилость!

«Ага, Георгий Владимирович фон Нотбек, – машинально отметил я про себя. – Ну наконец-то я хоть что-то про себя узнал. В принципе, ничего так. Солидно…»

Но озвучил совсем другую фразу:

– Израиль Львович, вы прекрасно знаете, что выход из Одесского порта был строго запрещен всем судам без исключения, кроме военных кораблей. Не напомните мне, каким таким загадочным образом вы его покинули?

– Ну… – слегка смешался еврей. – Это вы предоставили мне разрешение за подписью коменданта гарнизона. Но при чем здесь…

– Потрудитесь вспомнить, где вы нашли уголь в достаточном количестве для перехода в Константинополь? – я опять оборвал судовладельца. – Это при том, что угля в порту наблюдался неимоверный дефицит.

– Опять вы, Георгий Владимирович… – уныло согласился Шмуклерович, скорее всего, уже догадавшись, к чему я клоню.

Его жена внимательно слушала нас, но не вмешивалась в разговор. Я не спеша встал, аккуратно перерезал на ней веревки, после чего вернулся за стол и с легкой насмешкой поинтересовался у Израиля Львовича:

– И что же я получил в ответ? Не трудитесь, я сам отвечу. Черную неблагодарность, вот что я получил в ответ.

– Изя… – наконец нарушила молчание Циля Абрамовна. – Рассчитайся с человеком, как положено. Он таки зашел с правильной стороны, – неизвестно откуда, жестом фокусника она извлекла ключ и положила перед мужем на стол, а потом нервными, злыми движениями принялась его развязывать. – Держи. И больше так не делай, иначе ты сделаешь меня вдовой гораздо раньше, чем я планировала.

– А что я, что я… – пристыженно заныл Шмуклерович. – Я так и собрался сделать. Но… но не успел…

– Цецилия Абрамовна, – я встал и совершенно искренне поклонился женщине. – Преклоняюсь пред вашей мудростью и красотой. Надеюсь, вы не пострадали?

– Этот шухер таки не стоит даже ваших слов, – пренебрежительно отмахнулась еврейка. – В свое время меня грабил сам Япончик, а это, я вам скажу, на самом деле было что-то с чем-то. Правда, Миша был очаровательно культурным человеком, примерно таким, как вы, только чуть красивше на лицо, но не то что эти халамидники. Не хотите, господин фон Нотбек, капельку пейсаховки? Моя мама, а она была святой женщиной, я вам точно говорю, научила меня делать настоящую пейсаховку.

– Не откажусь, Цецилия Абрамовна, – я с улыбкой кивнул женщине и пристально посмотрел на потирающего запястья рук Шмуклеровича. – Израиль Львович, думаю, нам пора приступить к делам. Для начала озвучьте точную сумму, полученную вами с каждого пассажира, а потом аккуратно отсчитайте от нее семьдесят процентов в мою пользу.

– Божечки… – схватился за сердце судовладелец. – Да лучше бы меня ограбили эти босяки. Ни боже мой, сорок и точка. Смею напомнить, это таки пока мой пароход.

– Если бы не я, эта ваша посудина… – я углядел на столе коробку с сигарами и, позаимствовав одну из них, аккуратно откусил ее кончик специальной гильотинкой, – эта ваша посудина, максимум через неделю была бы реквизирована красными. Смею напомнить, совершенно бесплатно. А что было бы лично с вами, я вообще не представляю. Кстати, слышали, что у большевиков все общее? Нет? Да-да, даже женщины. Шестьдесят пять и только из огромного уважения к вашей прекрасной супруге. И я еще не упоминаю о скромной премии в мой адрес за ваше спасение, а также о штрафных санкциях за срыв оплаченной доставки к месту назначения. Хотите, я позову этих несчастных и спрошу, кого они считают виноватым в произошедшем? Интересно, нет ли у них желания потребовать свои кровные назад? Ну что вы, что вы, Израиль Львович, не надо хвататься за сердце, меня это совершенно не трогает. А кто меня хотел кинуть? Александр Сергеевич Пушкин или некий Шмуклерович? Ай-яй-яй… Не стыдно?

В общем, я немного поигрался с клиентом и великодушно согласился на шестьдесят процентов от общей суммы. Нет, конечно же, при таком количестве козырей в моей колоде, его можно было обобрать как липку, но я никогда так не поступаю. Фигурант должен расставаться со средствами охотно, да еще считать вас при этом благодетелем. Примерно так и получилось.

Ювелирные изделия, румынские леи, турецкие лиры и еще какую-то экзотическую резаную бумагу я безжалостно отверг. Французские франки тоже. В Европе бушует послевоенный кризис, обмен на золото все прекратили, курсы валют скачут как сумасшедшие и дальше будет только хуже, поэтому я остановился на родных золотых червонцах, а также британской и североамериканской валюте. То есть самой устойчивой на данный момент. В итоге я получил увесистый мешочек с российскими золотыми монетами разного номинала, общим весом два килограмма четыреста двадцать два грамма, восемьсот фунтов стерлингов и полторы тысячи долларов. И да, все-таки турецких лир взял немного, всего тысяч пять – внушительную стопку купюр, перевязанную шпагатом. На мелкие расходы. В Царьград следуем или куда? А там светить рыжьем и твердой валютой явно не стоит.

Неплохо получилось, особенно учитывая то, что годовой доход в триста пятьдесят фунтов дает возможность жить в Британии совершенно безбедно. Хотя да, было бы лучше, если Шмуклерович набрал побольше пассажиров. Но, увы, он просто не успел, потому что, как выяснилось, я поставил ему жесткие временные рамки. Но все равно хитрый евреец не прогадал, загрузив трюм разным товаром, который надеялся толкнуть в Константинополе по сходной цене. Кстати, Константинополь он собирался сделать своей базой, так что исключать возможность дальнейшего сотрудничества не стоит. Шмуклерович торгаш матерый, прожжённый, хотя и хитрый как змей, но в общем-то порядочный мужик. А я своего будущего пока никак не вижу. Вообще никак. Так что, сами понимаете.

Словом, в итоге все остались довольными друг другом.

– Рад был знакомству, – я вежливо поклонился семейной чете. – Увы, но вынужден откланяться.

– Изя, тебе таки не кажется, что Георгий Владимирович слегка изменился с того самого момента, как эти шлемазлы приложили его по голове? – озадаченно хмыкнула Циля Абрамовна.

– Да-да, моя роза, – Израиль Львович как раз тянулся к графинчику с пейсаховкой, но заметив, что жена обратила на него внимание, мгновенно отдернул руку. – До сих пор вздрагиваю, когда вспоминаю, как он обещал меня пристрелить при нашей первой встрече. А потом вспороть мой драгоценный живот и повесить сушиться как карася.

А я мгновенно насторожился. Это косяк. И немаленький. Черт его знает, каким был по жизни прежний хозяин моей тушки, но уж точно не флегматичным добряком. А я уже успел во всю ивановскую засветить свою реальную натуру, что может вызвать некий когнитивный диссонанс у людей, общавшихся с реальным Георгием Владимировичем фон Нотбеком. Надо бы вести себя поосторожней. Одно утешение, что на этом пароходе, с момента посадки и до бунта экипажа, я успел пообщаться только со Шмуклеровичами. Но ладно, думаю, должно пронести…

Глава 3

Черное море. Нейтральные воды.

Пароход «Димитрий»

19 января по старому стилю. 1920 год. 01:50

Распрощавшись с хозяевами, я отнес ценности к себе в каюту, потом быстро пробежался по пароходу, убедился, что все уже в порядке, и облегченно выдохнул. Пленных наградили лопатами и приставили к углю, пары уже развели, и судно наконец-то встало на прежний курс. Море волновалось умеренно, на мостике управлялся второй помощник с одним из матросов, пассажиры разбрелись по своим каютам, а Самуил Эныкович колдовал на камбузе. Александра Николаевича Даценко я не нашел; по словам Вейсмана, он вооружился еще парой бутылок водки и заперся у себя. Ну и ладно, не до общения мне сейчас.

Обязав кока притащить чего-нибудь жидкого и горячего, я убрался обратно в каюту. Поискал халат, не нашел его, обмотался простыней и метнулся в корабельную туалетную комнату, благо по коридору никто уже не шатался. Нечего людей шокировать, чай не двадцать первый век на дворе, а вовсе начало двадцатого. Далеко не пуританское время, но все-таки.

Приняв контрастный душ, я окончательно пришел в себя и путем тщательной ревизии личных вещей принялся прояснять темные провалы в личности

прежнего обитателя тела.

Во внутреннем кармане пиджака отличного английского сукна, явно пошитого на заказ руками умелого портного, помимо бумажника обнаружился украшенный двуглавым орлом «заграничный паспортъ», выданный в тысяча девятьсот семнадцатом году, министерством иностранных дел уже несуществующей Российской империи. А из него я узнал, что дворянин, между прочим целый барон, Георгий Владимирович фон Нотбек первый, родился десятого сентября тысяча восемьсот девяностого года в славном городе Санкт-Петербурге. То есть Петрограде.

– Дворянская морда, значится… – я невольно улыбнулся, плеснул в стакан коньяка и подкурил очередную папиросу. – Славно, славно. Так-то оно по себе почти ничего не значит, но в Европах, где еще дворянство котируется, баронский титул вполне может помочь ассимилироваться и войти в высшее общество. Датчанин? Швед? Скорей всего, ведет свой род из тех иностранных военных, массово поступавших на службу во времена Петра и Екатерины. Ничего удивительного. Матушка Россия приняла немало иноземцев, ставших в дальнейшем образцовыми русскими. И вознаградила по достоинству. В том числе дворянскими титулами.

Фон Нотбек, Нотбек… Где-то я слышал эту фамилию… И не упомню сразу. Но ладно, может, вспомню со временем. Надо приниматься за бумажник.

Визитки… пара пятисотрублевок с царем-батюшкой Петром, который под номером один, шесть потертых купюр по пять фунтов стерлингов и три новенькие банкноты по пятьдесят франков. Немало, но и немного… Стоп, в тайном кармашке что-то лежит. Ага, две золотые российские монеты достоинством по пятнадцать рублей. Все равно мало. Но о финансовой стороне я уже позаботился. На первое время хватит.

Несколько раз затянулся, подошел к зеркалу и сбросил с себя простыню. Ага… Рост около метра восьмидесяти пяти, вес… где-то девяносто килограммов. Может, чуть больше. Фигура пропорциональная, ширококостная, правда слегка заплыла жирком. Но барон явно не чурался физических упражнений. Бокс, борьба? Скорее всего последнее. Хорошо развиты грудные, широчайшие и трапециевидные мышцы, руки и ноги мощные. С мужским хозяйством тоже все в порядке. А что? Один из главных параметров. Ха… неплохо я разменялся. Стоп… а это что такое?

Я поднял руку и повернулся к зеркалу левым боком, на котором просматривался рваный длинный шрам. Ага… осколочное. Хорошо тушку порвало. И однозначно ребра переломало. Но уже давно, не менее пяти лет прошло. А вот и пулевое, касательное. С внутренней стороны бедра, чуть повыше колена. Примерно той же давности…

– Воевал, значит? Просто обязан был воевать. Времена такие… – я опять закутался в простыню и вытащил из встроенного в переборку шкафа два кожаных чемодана с объемистым кофром. – В каком полку? На каком фронте? Вот сейчас и узнаем…

В кофре теплые вещи. Кожаная куртка на стриженом волчьем меху, свитер крупной вязки под горло, пара фланелевых рубашек, вязаная шапочка, шарф и гетры, высокие ботинки на толстой подошве, подбитые мехом перчатки с крагами. Добротно, но явно не на одесскую погоду. Хотя в море, на верхней палубе, может пригодиться. Еще шмот, опять одежда… М-да, большим шмоточником ты был, Георгий Владимирович. Впрочем, как я. Добротная качественная одежда – это моя слабость. Ладно, с кофром все понятно. Что в чемоданах?

Еще один костюм, только темно-серый, в тонкую светлую полоску, дюжина рубашек и комплектов белья, галстуки, джемпер шотландской шерсти, твидовый пиджак, еще одни брюки… Опять одежда. Смокинг, что ли? И еще костюмы… Да, видно, ты на себя средств не жалел. Все отменного качества, явно дорогущий шмот. Что еще? Дорожный мужской несессер… Да тут столько всего, сразу и не разберешься, для чего эти ножнички, щипчики и щеточки. Одеколон. «Imperiale Guerlain»? Слышал о таком, французский. И запах приятный: терпкий, с легким налетом хвои. Одобряю, барон. А это бритва «Золинген»? Круто. И как таким чудовищем бриться? Надеюсь, совладаю. Идем дальше. Пара коробок папирос «Царь-пушка» и… и еще стволы. Куда ж без них по нынешним временам…

В чемодане лежали еще два пистолета. Первый – можно сказать, легендарный «Браунинг М» 1903 года. Тоже явно нерядового исполнения, со щечками из кости и гравировкой. Хороший ствол. И кобура отличной телячьей кожи в комплекте присутствует. Вот только магазина всего три. Два полных и один пустой. И две упаковки по двадцать патронов калибра 9?20, производства фирмы «Норма», с десятипатронной пачкой «маслят», уже калибра 0.380, того же производителя. Все в кассу, все пригодится. Надо будет при случае

опробовать.

И второй, уже карманный кольт, модели 1908 года. Скорее всего, из комплекта к тому, который я нащупал под подушкой, когда очнулся, так как отделка у них практически одинаковая. Точно! Вот и парная коробка из красного дерева. С запасными магазинами и принадлежностями. Несерьезная эта американская игрушка, калибр вообще микроскопический, но ладно. Может, и пригодится.

Я немного покрутил пистолеты в руках, зарядил их и отложил в сторону, а потом снова принялся за досмотр, наткнувшись на самом дне чемодана на жестяную коробку из-под сигар «La Habanera».

– А вот здесь, надо думать, все самое интересное. Черт… даже как-то не по себе становится, – я налил себе еще коньяка, положил находку на колени и, немного поколебавшись, снял крышку. – Да… что и следовало ожидать…

В коробке сверху лежали ордена и медали, аккуратно завернутые во фланелевые тряпочки. Я неплохо разбираюсь в наградах царского периода, даже коллекционировал в свое время, поэтому опознал их без особого труда.

– Нагрудные знаки… Мальтийский крест выпускника Пажеского корпуса, Кульмский крест Егерского лейб-гвардии полка, «За отличную стрельбу»… А это уже медали: «100 лет Отечественной войны 1812 года», «300 лет дома Романовых»… – я бережно брал награды из коробки и аккуратно выкладывал их на одеяло. – Получается, ты, Георгий Владимирович, выпустился из Пажеского прямо в лейб-гвардию? Подпоручиком или поручиком? А вот и «Станислав» и «Анна» третьих степеней. Все офицеры в царское время начинали с этих орденов, потому что награды от царя-батюшки раздавали строго в определенном порядке; по соответствию чину, старшинству орденов и старшинству их степеней. Но не всегда, в военное время могли наградить вне очереди и вне положенного чина. Дальше что у нас идет? «Станислав» второй степени с мечами на шею. Думаю, как раз начало Первой мировой. Позже в наградных гляну. А это? Орден Владимира четвертой степени с мечами и бантом? Однако… Ого! Орден Почетного легиона! Хотя что «ого». Очень много русских офицеров им награждено. А вот и бельгийский кавалерский крест Леопольда II с мечами. Когда ты успел, Георгий Владимирович? Твою мать! Что? Георгий?!! Орден святого Георгия четвертой степени? Даже не знаю. Это примерно как получить звезду Героя Советского Союза, не меньше. Учитывая, что Егерский лейб-гвардейский полк, если не ошибаюсь, из всего своего участия

в боевых действиях, провел десять месяцев на переформировании, просто выдающийся результат.

Отчего-то разволновавшись, я подкурил папиросу и осушил стакан с коньяком. Даже не знаю, что сказать. Настоящий фон Нотбек выслужил эти награды своей храбростью и кровью, а мне… Мне они достались по наследству. На халяву, считай. Неудобно как-то. Да, я ненавижу государственную машину со всеми ее инструментами, натерпелся вдосталь, но уважение к некоторым вещам у меня в крови.

Немного поколебавшись, я стал доставать со дна коробки аккуратно завернутые в пергаментную бумагу и перевязанные шелковым шнурком какие-то документы.

– Божьей милостью, мы, Николай Второй… – прочел я тисненный красивым витиеватым шрифтом заголовок. – Все ясно, наградные свидетельства…

И не остановился, пока не перечитал все, что было. Потом сделал несколько затяжек, оперся спиной об переборку и закрыл глаза.

Неожиданно появилась картинка с рядом невысоких холмов, сплошь окутанных чадным дымом, через который сверкали частые огненные вспышки, густые ряды колючей проволоки, дымящиеся среди них воронки, множество окровавленных трупов…

Видение было настолько реальным и живым, что я даже воочию ощутил вонь сгоревшего тротила, перемешанную со смрадом мертвечины. И невольно открыл глаза, потому что стало очень страшно.

Потом с силой провел ладонями по лицу, словно прогоняя наваждение, и вслух пообещал:

– Извини, Георгий Владимирович, твои награды я носить не буду, недостоин я такого. Но сохраню как свои. Это обещаю.

Сразу на душе стало как-то легче, и я попробовал систематизировать полученные сведения.

– Так… Что нам ясно? Немного. Родился, учился, холост, богат, прошел героический боевой путь, в семнадцатом году вышел в отставку по состоянию здоровья, хотя на данный момент здоров как бык. Больше ничего. Следов пребывания в Белом движении никаких. Связь с «красными» тоже никак не прослеживается. Вообще никак. Упоротый монархист и плюнул на всё после отречения Николая? Это подтверждает то, что ушел он из армии второго сентября семнадцатого, после провозглашения России республикой. Или занял нейтралитет? Ни вашим, ни нашим, я сам по себе? Черт его знает. Но это, по крайней мере, странно. Если не сказать большего. Странно потому, что разрешение на выход из порта и команда на загрузку судна углем дано командованием ВСЮР. И это ради одного-единственного пассажира. Но в штабе просто-напросто послали бы подальше такого, пускай даже заслуженного, отказника. Или вообще, под конвоем отправили бы в окопы рядовым. Уголь и морские транспортные средства в Одессе сейчас на вес золота. Со дня на день начнется эвакуация, а тут на тебе, такая щедрость. Разве что барон выполняет тайную миссию. Миссию… Какую? Квартирмейстером, договариваться о размещении войск и об их снабжении? Так это уже поздно делать. Тогда для чего его посылать в Константинополь, за пару дней до общей эвакуации? Или Константинополь – это только промежуточный пункт? Ни хрена не понимаю…

Я встал, прошелся по каюте и неожиданно заметил на полу маленький клочок бумаги. При ближайшем рассмотрении он оказался обгорелым уголком какого-то документа. Расследование сразу зашло в полный тупик.

– Сжег все, что связывало его с ВСЮР, сразу после того как судно отчалило? Забил на свою миссию? Но это прямое предательство. Не верю…

Еще немного поломав голову и доведя себя до жесточайшей мигрени, я решил пока плюнуть на разгадку тайн личности барона фон Нотбека и занялся сортировкой финансов, выбитых из Шмуклеровича. Знаете, гораздо приятней занятие.

Золото оказалось в монетах разного номинала; я даже нашел пару ужасно редких донативных[6 - Донативные монеты, иначе подарочные (лат. dono – дарю) – монеты, выпущенные не для регулярного обращения, а для раздачи их в виде поощрения или в связи с каким-либо событием. Отличаются от настольных медалей чеканкой по монетной стопе, иногда с обозначением номинала.] монет в 25 рублей, чеканенных в честь коронации Николая Второго, и старинные екатерининские двухрублевки. Такие вообще на аукционе можно задорого

продать. Гораздо дороже номинала. Возился с ними с удовольствием, потому что нумизматика, да и все, что связано с деньгами, одно из моих увлечений. И это увлечение здорово успокаивает меня. Кроме того, такие знания совсем не мешают профессии. Иногда даже помогают.

Часть средств отделил на расходы, а остальное тщательно упаковал и стал подыскивать место, куда их спрятать. Как говорится, темна украинская ночь, но сало нужно перепрятать. Мало ли что…

Но не успел, потому что в коридоре раздались шаги.

– Кто? – я накрыл сверток одеялом и снял пистолет с предохранителя.

– Я… Кто еще? – из-за двери раздался испуганный голос Вейсмана. – Таки вы просили жидкого и горячего, а теперь хотите меня пристрелить? Вейз мир, какая черная неблагодарность…

– Сейчас… – не убирая пистолета, я открыл дверь. – Проходите Самуил Эныкович.

Кок быстро перешагнул порог и ловко принялся сервировать столик. Старый еврей вырядился в белоснежную куртку, лихо заломил поварской колпак и теперь выглядел как настоящий шеф-повар престижного ресторана. И смотрелся на удивление свежо, словно благополучно пережил историю с захватом корабля у себя на камбузе.

– Это таки утиный бульон с крутонами, Георгий Владимирович, – не останавливаясь, тараторил он, расчетливыми движениями сгружая с подноса судки и тарелки. – Не бог весть шо, но, если бы вы знали, какого селезня я пустил под нож. Этот был не селезень, а настоящий лебедь, я вам точно говорю. С меня за него содрали на Привозе сумасшедшую цену, как будто эта гордая птица несла золотые яйца. Ой-вей… ну кто заливается коньяком под колбасу в такое время? Вы что, совсем себя не любите? Я уберу, и не возражайте. Капелька водочки под горячий грибной жульен, вот что вам надо…

Я на него смотрел и невольно улыбался. От присутствия кока в каюте запахло домашним уютом, у меня даже поднялось настроение. В Вейсмане было что-то такое ветхозаветное, домостроевское, невообразимо симпатичное и притягательное, увы, совершенно уже утерянное у современных людей.

– Таки все… – Самуил Эныкович смахнул белоснежной салфеткой пылинки со стола и приглашающе поклонился. – Прошу присаживаться, Георгий Владимирович. Кушать подано.

– А вы мне не составите компанию? – мне не хотелось, чтобы повар уходил, и я плюнул на предполагаемый баронский гонор фон Нотбека.

– Простите, таки нет… – отрицательно крутнул носом Вейсман. – Но я с удовольствием немного потрындю с вами за жизнь. Не стесняйтесь, не надо, я просто обожаю смотреть, как люди кушают мои блюда.

Я улыбнулся, развернул маленький сверток из оберточной бумаги и подвинул его к повару:

– Это вам, Самуил Эныкович.

– Гм… – старый еврей удивленно вытаращил глаза на столбик пятирублевых золотых монет и пачечку банкнот. – Простите, но за что?

Я чуть было не ляпнул про «честную долю», но сдержался и, тщательно подбирая слова, объяснил:

– Все просто, Самуил Эныкович. Совершенно неожиданно наше безнадежное мероприятие по усмирению бунта на корабле принесло мне некоторые финансовые дивиденды. И я решил поделиться ими с полноправным участником баталии, то есть с вами.

– А-а-а… – догадливо протянул кок. – Таки вы поговорили за жизнь со Шмуклером? – еврей ловко убрал деньги в карман, встал и отвесил мне торжественный поклон. – Вы благородный человек, ваша милость. Вот уж никогда бы не подумал. И не вздумайте обижаться на старого Самуила. Но что вы не кушаете, кушайте, а то я подумаю, что вам не нравится…

Бульон действительно оказался просто великолепным, а ледяная водочка под жульен из «польских», как выразился Вейсман, грибов, вообще пошла как божья роса. К тому же старый кок оказался очень интересным собеседником.

– И что вы думаете, эти мои сыночки, вместо того, чтобы пойти по стопам своего знаменитого отца и готовить людям еду, записались в рэволюционэры… – огорчительно всплескивал руками Самуил Эныкович. – Стыд и позор на мою седую голову. Что скажут люди? Что скажет ребе Кацнельсон! Как хорошо, что моя Сарочка не дожила до этого дня. Но представляю, как она с небес костерит этих шлемазлов. А что будет, когда красные уйдут? Я таки разругался с Ариэлем и Мишей вдрызг.

– Не уйдут красные, – я махнул последнюю рюмку водки и с удовольствием осознал, что наконец расслабился. – Они пришли очень надолго. Просто ваши сыновья умеют держать нос по ветру. Не ругайте их. И помиритесь обязательно.

– Вы так думаете? – Вейсман склонил голову набок и посмотрел на меня из-под кустистых бровей.

Я чуть не рассмеялся, потому что кок вдруг стал удивительно похожим на старого облезлого попугая, сидящего на жердочке.

– Я не провидец, Самуил Эныкович. И тоже ненавижу большевиков. Но я умею сопоставлять одни вещи с другими. Так что возвращайтесь в Одессу и учитесь жить по-новому.

– Вы знаете, я тоже все больше так думаю, – Вейсман уважительно закивал. – Вы умный человек, господин фон Нотбек. Но вам пора немного отдохнуть, потому что через пару часов уже рассветет. Я сам вас разбужу к обеду. И не волнуйтесь, ничего с этой старой лоханкой не случится…

Выпроводив повара, я почувствовал, что совсем осоловел, но решил лечь только после того, как спрячу деньги. Во время еды мне бросилась в глаза закрытая декоративной решеткой отдушина и, вооружившись финкой вместо отвертки, я принялся вывинчивать из нее винты. Не бог весть какой тайник, но на первое время сойдет.

Закончив, просунул внутрь руку, чтобы проверить, куда ведет воздуховод, но неожиданно наткнулся на какой-то небольшой предмет.

– Здравствуйте… – я уставился на жестяную коробочку из-под каких-то сладостей. – Золото, брыльянты?

Отсутствие пыли на находке услужливо подсказывало, что коробку спрятали в трубу совсем недавно. Фон Нотбек?

Тихонечко скрипнув, поддалась крышка. Внутри лежал маленький ключик на тоненькой витой цепочке и простенький дешевый блокнотик.

Я быстро его перелистал и обнаружил, что все листы чистые. Кроме самого первого, с несколькими короткими рядками цифр, написанными мелким убористым почерком.

– Шифр? Номера банковских счетов? Ключ от банковской ячейки? Знаешь, что, любезный Георгий Владимирович… – я недолго подумал, сложил находки в коробку и засунул ее обратно. – Вот как-то твои тайны меня уже утомлять стали. Все потом…

Спрятал туда же сверток с деньгами, быстро привинтил крышку обратно и завалился на койку.

– Нет, чтобы зафитилить меня в кого-нибудь попроще, скажем, богатого, еще не старого рантье, или… к примеру, коннозаводчика, так нет, всунули в донельзя загадочного барона в эмиграции. Вот же… Но все равно спасибо…

К своему дикому удивлению, сам факт переноса меня почти не беспокоил. Да, бредово выглядит, но черт побери, я сам мечтал прожить свою жизнь заново, так какого теперь стремиться. В двадцать первом веке меня ничего не держит. Семьи так и не завел, детишки, может, и есть, но я их никогда не видел. Мало того, оставаться там было довольно опасным делом. Очень уж я насолил некоторым влиятельным людям. Так что все в тему. Пользуйся на здоровье выпавшим шансом. И не важно, что все будет происходить в прошлом. Какая разница? Так даже интересней. И вообще, может, это мне снится. Вот проснусь и опять окажусь в Херсонском «централе», в своей камере на «красном» корпусе[7 - «Красный корпус» – так называют один из корпусов Херсонского СИЗО, старой постройки, построенный из красного кирпича.]. Хотя да, сон интересный. Жалко, что в нем я не успел поближе познакомиться с этой княгиней. Как ее там… Но ладно, ладно…

Поплотней закутался в одеяло, повертелся немного, устраиваясь поудобней, и под едва заметную качку парохода мгновенно заснул.

Глава 4

Черное море. Нейтральные воды.

Пароход «Димитрий»

20 января по старому стилю. 1920 год. 10:00

Едва проснувшись, даже не открывая глаз, сразу понял, что чуда не произошло, и я все так же нахожусь в каюте парохода «Димитрий».

Вместо стука дверок «кормушек»[8 - Попкарь (жаргонизм) – постовой, коридорный надзиратель.] и вечно недовольных голосов «попкарей»[9 - Кормушка (жаргонизм) – специальное отверстие в двери камеры для передачи еды заключенным.] слышалось потрескивание и скрип переборок, сильно разбавленные шумом волн за бортом, а вместо дребезжания колес тележек баландеров, развозивших по камерам утреннюю пайку, где-то внизу мерно урчала и строптиво порыкивала паровая корабельная машина. В запарке вчерашнего дня я как-то до конца не понял, что нахожусь уже совсем в другой эпохе, и только сейчас эти звуки помогли мне наконец осознать реальную действительность.

Нет, страшно не было, совсем наоборот, замерев на кровати и закрыв глаза, я в буквальном смысле наслаждался этими новыми ощущениями.

Полежав немного, не глядя нашарил на табуретке часы и нажал на кнопку, открывая их крышку. Под звуки маленьких колокольчиков, исполнявших какую-то замысловатую, но приятную мелодию, фигурные стрелки показывали на циферблате ровно девять часов утра.

Несмотря на то что я проспал всего несколько часов, тело переполняла непривычная бодрость. Шишка на голове все еще слегка побаливала, но в целом

ощущения были самыми положительными.

– Ага, когда тебе за полтинник, подобное скорей всего исключение, а не правило… – незлобно проворчал я, рывком встал и, поплескав в лицо холодной водичкой из тазика, уставился на свою новую физиономию, отражающуюся в зеркале. – Стоп… какие пятьдесят, дружище. Тридцать и точка. Пора бы и привыкнуть.

Есть хотелось уже просто невыносимо, потому я стал быстро приводить себя в порядок.

Зубная щетка оказалась с натуральной щетиной и костяной ручкой, но все равно довольно привычного вида, зубной порошок – тоже вполне обычный, поэтому с чисткой зубов удалось справиться быстро. Хуже пришлось с бритьем, потому что опасную бритву я никогда не использовал, к тому же теплой воды не было, но все равно результат оказался довольно положительным.

Закончив с туалетом, я собрался одеваться, разложил гардероб на кровати и слегка озадачился.

– Хм… Как бы какой-нибудь дресс-код не нарушить… – провел взглядом по одежде и решил особо не заморачиваться. Фланелевая рубашка, свитер под горло с рисунком в косую клетку, вельветовые свободные бриджи в крупный рубчик, застегивающиеся под коленом на манжеты, вязаные гетры в тон свитеру и высокие замшевые ботинки на толстой подошве. А, ну да, клетчатую кепку забыл, точь-в-точь как современные «хулиганки», только в крупную клетку. Вот как бы и все. Тепло, простенько, но элегантно. И к фигуре с мордой лица идет.

Черт его знает почему, но никакого отторжения к моде начала двадцатого века я не почувствовал. Тем более, с некоторой натяжкой, она вполне была бы уместна и в современное время. Да и нравится мне, честно говоря.

Слегка освежился одеколоном, уже совсем собрался выходить из каюты, но вовремя спохватился и подвесил на поясной ремень кобуру с браунингом. Военного образца, массивная, неудобная, но ладно, пока и так сойдет. Потом у какого-нибудь кожевенного мастера оперативку себе закажу.

– Со стволом спокойней будет… – глянул на себя в зеркало последний раз, остался довольным и отправился завтракать.

В кают-компании пока еще никого не было. Никого, кроме второго помощника капитана, клевавшего носом над пустым чайным стаканом в подстаканнике.

Услышав скрип двери, он поднял воспаленные глаза, увидел меня, поспешно встал и вежливо поздоровался:

– Добро утро, Георгий Владимирович. Пользуясь случаем, хочу лично поблагодарить вас за вчерашнее…

– Пустое, Илья Ипполитович. Я спасал в том числе и себя, – я тактично перебил помощника и заглянул ему в глаза. – Вам бы поспать…

– Я справлюсь, – спокойно возразил Вебер и, слегка замявшись, продолжил: – У меня есть к вам одна просьба, Георгий Владимирович.

– Смелее.

– Для пассажиров будет срочное и важное объявление. Они уже извещены об этом и скоро здесь соберутся. Но Александра Николаевича Даценко нет в своей каюте. Мне сообщили, что он на верхней палубе. Увы, к сожалению, у меня не хватает команды даже для обслуживания машины, а для того, чтобы использовать матросов в качестве посыльных – тем более. К тому же никого из них нет под рукой. Не могли бы вы… – второй помощник опять замялся. – Право, мне неудобно…

– Сходить за Александром Николаевичем? – подсказал я ему. – Схожу, отчего бы нет. Только прихвачу чего-нибудь потеплее в каюте.

– Прошу, ради бога осторожней! – уже мне в спину крикнул Вебер. – Волнение моря пока еще умеренное, но ветер крепчает с каждой минутой…

– Не беспокойтесь…

Я быстро надел куртку, застегнул ее на все пуговицы, натянул вязаную шапку на голову и поднялся наверх. Постоял немного перед дверью и решительно повернул штурвал. В самом деле, почему бы не проветриться.

– Твою же мать!.. – Едва я шагнул за порог, сильный порыв ветра мгновенно отвесил мне хлесткую плюху, словно залепив по лицу мокрой тряпкой. – Ну ничего себе погодка…

С покрытого свинцовыми зловещими облаками неба срывался колючий мокрый снег, пронзительно завывая в оснастке, ветер яростно срывал с черной воды клочья пены и нес их дальше над бушующей поверхностью моря. Неспешно переваливавшийся на волнах пароход натужно скрипел всеми своими сочленениями, от того став очень похожим на старого умудренного жизнью великана, отправившегося на свою последнюю прогулку. Вся эта картина выглядела настолько мерзко и неуютно, что в буквальном смысле заставляла стыть кровь в венах.

– Мля… где ж я тебя искать буду? – я невольно вздрогнул, на мгновение представив себя очутившимся в воде, постоял немного на палубе, привыкая к пронизывающему холоду, поглазел на валившие из длинной трубы клубы иссиня-черного дыма и, судорожно цепляясь за леер, полез по трапу на надстройку, решив, что сверху быстрей обнаружу сумасшедшего любителя геологии.

Но мне повезло, искать долго не пришлось, поднявшись наверх, я сразу наткнулся на застывшую, словно каменная статуя, мощную фигуру в насквозь промокшем длинном драповом пальто. Александр Николаевич стоял, намертво вцепившись в поручни побелевшими от холода руками, его сбитая порывом ветра шапка валялась на палубе, чудом застряв в леерах, вода стекала ручейками по слипшимся волосам, но он этого не замечал и, словно заледенев взглядом, неотрывно смотрел на море.

Не решаясь завести разговор, я стал рядом с ним и вдруг понял, что купец смотрит в сторону уже скрытой за горизонтом Одессы.

– Я уже очень давно не пил, – неожиданно сказал он. – Софьюшка моя говорила, мол, буйный и шумный. Не нравилось ей, когда я такой. Вот я и старался не прикладываться к бутылке. Даже пообещал перед тем, как отправил ее с

детишками в Европу, что завяжу начисто. Но не сдержал свое слово. А знаешь почему? – купец повернул ко мне мертвенно-бледное лицо. – Да потому что обидно мне… – он ненадолго замолчал и с надрывом выкрикнул, показывая рукой в сторону берега: – Там моя земля. Моя, понимаешь. Ее еще мой прадед у своего помещика выкупил. Жилы рвал, но из холопов в люди вышел. Ни дед, ни мой отец, ни я никогда никого не обманывали. Делали так, как завещано было. Сами недоедали, но работникам все до копеечки выплачивали. Всего своим потом достигли. Кто другим мешал точно так же? Почему тогда они хотят у нас все отнять? Разве так можно? Не по-людски это…

– Почему сразу со своими не уехал?

– Думал, что как-то все образуется… – опустил голову Александр Николаевич. – Да и родная земля не отпускала. Как представлю себе, что на чужбине мыкаюсь, словно ножом в сердце. Волком выть хочется. Тянул до последнего. Потом записался воевать с этими. Но еще хуже стало. Свои же они. Ледащие, юродивые, шаромыжники, но свои. На одном языке говорим. Одна кровь в жилах течет. Как можно родную кровь проливать? Может, когда-нибудь опомнятся они?

Я сразу не нашелся, что ему ответить. Да и что тут скажешь. Когда в твой дом приходят грабители, ты не интересуешься их национальностью, ты просто защищаешь себя и своих родных. И плевать, что бандиты – соотечественники. В свое время я так и не нашел слов для оправдания людей, бездарно прогадивших царскую Россию, как не смог понять и простить людей, в свою очередь профукавших Советский Союз. Хотя в симпатиях к царскому режиму, а тем более к коммунистам меня очень трудно заподозрить. Просто за державу обидно. Так что мне тебя искренне жаль, Александр Николаевич, действительно жаль, но только как человека, а ситуацию, в которой ты оказался, я просто не понимаю.

– Никогда, Саша, никогда они не опомнятся… – я взял купца под локоть и с силой дернул на себя, отрывая его руки от поручней. – Идем. Надо жить… Ради детей своих жить. Неважно где, но жить…

Думал, что он будет сопротивляться, но Александр Николаевич беспрекословно, словно маленький ребенок, пошел за мной.

Все пассажиры уже собрались в кают-компании. Надо сказать, выглядели они прескверно, сильно измученными и настороженными, если даже не сказать подозрительными. Видимо, Вебер до сих пор не объяснил им причины экстренного сбора. Впрочем, это не касалось княгини. Она, совсем наоборот, выглядела прекрасно и откровенно рассматривала меня.

Я помог снять пальто купцу, сориентировал его по направлению к столу, потом разделся сам и тоже присел. Вейсман тут же поставил передо мной тарелку со стопкой горячих пышных оладий, блюдца с вареньем и сметаной, пристроил к этому великолепию розетку с отблескивающим словно лед колотым сахаром, кувшинчик сливок, а сам в почтительной позе застыл рядом с исходящим парком кофейником в руках.

Остальные пассажиры тут же дружно наградили меня ревнивыми и недовольными взглядами, видимо, старый повар даже не подумал уделять им столько внимания.

«В задницу… – я про себя ухмыльнулся и подвинул свою чашку к Самуилу Эныковичу. – Все идите в задницу. Вам до этого старого мудрого человека, как до Пекина в известной позиции. Научитесь сначала правильно расставлять приоритеты…»

Лампы с узорчатыми абажурами, покачивающиеся под потолком на витых цепочках и отбрасывающие мягкие причудливые тени на немного выцветшую обивку стен, накрахмаленная белоснежная скатерть, изящная посуда, божественные ароматы еды – все это, особенно на фоне бесчинствующего снаружи шторма, причиняло мне настоящее наслаждение, и я даже забыл, для чего нас пригласил второй помощник. Но он не преминул напомнить.

– С великим сожалением, – твердо отчеканил Вебер. – Я вынужден вам сообщить, что Алексей Иванович Мальцев сегодня утром скончался.

Сразу же после последнего его слова Дора Ипатьевна всхлипнула, но тут же прикрыла рот платочком. В кают-компании повисло тягостная тишина. Замолчали даже дети, еще мгновение назад ссорившиеся по каким-то пустякам.

Второй помощник обвел пассажиров пристальным взглядом и продолжил:

– В связи с этим прискорбным событием, обязанности капитана я принимаю на себя. Мои полномочия подтверждены владельцем судна. Он сам занял пост первого помощника и сейчас находится в рубке вместе со своей супругой.

– Я извиняюсь… – неожиданно высказался Малевич. – Но позвольте поинтересоваться, какое это имеет к нам отношение? Меня интересует итоговый результат, а не то, кто будет крутить штурвал вашей посудины. Будьте любезны, избавьте нас от подробностей и доложите, когда мы прибудем в Константинополь…

– Я не договорил! – резко прервал адвоката Илья Ипполитович. – И с вашего разрешения все-таки продолжу. Так вот, в связи со вчерашними событиями, некомплект экипажа стал совсем критичным. Пятеро матросов – это всего лишь одна, да и то сильно урезанная смена в машинном отделении, чего явно недостаточно, так как нам идти до крайней точки маршрута еще почти двое суток. Мало того, я буду вынужден постоянно отвлекать кого-нибудь из них на охрану бунтовщиков, так как они наотрез отказались работать… – Вебер вдруг посмотрел на меня. – Георгий Владимирович, пленные утверждают, что вы обещали их сегодня отпустить. Это так?

Взгляды пассажиров снова дружно скрестились на мне. Ну-ну, смотрите сколько влезет. Я своего слова нарушать не буду. Ни при каких обстоятельствах.

– Это так… – спокойно подтвердил я и невозмутимо отпил глоток из чашки.

– Что?! – в буквальном смысле взвыл адвокат. – Отпустить этих мерзавцев? Да по ним петля плачет!

Остальные промолчали, но их лица явно нельзя было назвать особо приязненными.

– Помнится мне, – вдруг очень спокойно сказал Вейсман. Голос повара был полон невообразимого ехидства. – Некого Семку Упыря, загремевшего на цугундер за очень похожие художества, вы, Казимир Карлович, называли в суде заблудшим отроком, вышедшим на большую дорогу из-за тяжелого детства. Не так ли?

– Но это… – адвокат запнулся и проблеял: – Это… совсем другой случай.

– Не переживайте, Илья Ипполитович, – я наконец решил, что пора немного разрядить ситуацию. – Вопрос с бунтовщиками будет урегулирован немедля. К всеобщему удовлетворению. В первую очередь, к нашему удовлетворению. Можете продолжать.

– Не смею сомневаться в ваших словах, Георгий Владимирович, – вежливо кивнул Вебер. – Значит, перейдем к следующему вопросу. Увы, я буду вынужден освободить Самуила Эныковича от обязанностей судового кока и перевести его на должность рулевого. Уверяю, с его-то морским опытом, он справится без особого труда. Думаю, оставшиеся пару суток мы вполне протянем и на сухом пайке. Продуктовый склад я прикажу открыть для общего доступа.

– Слушаюсь! – немедленно отчеканил Вейсман и вытянулся во фрунт. – Разрешите приступать, господин капитан!

На лице старого еврея появилось гордое и торжественное выражение. Мне показалось, что он даже стал выше ростом.

– Пустое, – высказалась Дора Ипатьевна. – Я займусь готовкой. – Она в очередной раз пихнула локтем своего мужа, опять собравшегося влезть в разговор, и обратилась к многодетной мамаше: – Милочка, вы не поможете мне? В последнее время я на ноги немного ослабла. Да и вашим девицам полезно будет поучиться.

«Девицы» немедленно радостно запрыгали и принялись яростно спорить, кто из них быстрей научится готовить.

– Да-да, конечно, помогу… – поспешно согласилась Вера и окинула неприязненным взглядом княгиню, откровенно забавляющуюся сложившейся ситуацией.

Княгиня вернула ей взгляд, добавив изрядную толику надменности, и воскликнула:

– Место повара уже занято, но я тоже хочу быть полезной. Могу… могу, к примеру, разносить кофе и еду мужчинам. Или что-нибудь в этом роде.

– Дожились… – вдруг язвительно проворчал действительный статский советник. – Преступников отпускают на волю, жиды рулят кораблем, а княгини подвизаются официантками. Мир окончательно сошел с ума. Тогда и я не вижу оснований оставаться нормальным. Уголь кидать в топку, увы, я уже не смогу, но не откажусь от любой другой посильной работы. С этим… – он презрительно указал своей бородой на адвоката, – на пару.

Я все эти разговоры слышал краем уха, потому что сосредоточился на оладьях и кофе. А еще потому, что мне было глубоко плевать. Буду – не буду… Как говорил капитан Николаенко, мой командир взвода в училище: хиба хочешь – мусишь. А я прослежу, чтобы каждый на этой лоханке приносил максимальную пользу. То бишь находился на своем месте. И не важно, будет ли это место судовой парашей или кочегаркой. Тьфу ты, развели бодягу лишенцы. Сука…

Кстати, купец тоже начисто проигнорировал прения, слопал поднос выпечки, о чем-то коротко справился у Вейсмана и куда-то опять ушел.

– Очень рад, что все образовалось… – облегченно выдохнул Вебер. – Корабль недавно вышел из ремонта, угля достаточно, а шторм вряд ли продлится долго, так что все у нас получится… – он почти искренне улыбнулся пассажирам и подошел ко мне. – Георгий Владимирович, можно полюбопытствовать, каким образом…

– Сейчас узнаете, – я с сожалением мазнул взглядом по пустому блюду, смахнул салфеткой крошки с брюк и встал. – Вынужден буду позаимствовать немного вашего драгоценного времени. Проводите меня к пленным. Револьвер при вас?

– Да… – кивнул Вебер. – Он теперь всегда при мне. А зачем? Неужели вы собрались… – Глаза новоиспеченного капитана округлились. – Но это… это…

– Что это? – не сдержавшись, резко и зло поинтересовался я у него. – Что вам мешает расстрелять бунтовщиков? Убеждения? Страх? Смею вас уверить, подобных чувств в вашем отношении у них не возникло бы. Ведите уже…

– Этим и отличается порядочный человек от бандита! – гордо, но немного неуверенно ответил Вебер. – Нам сюда, Георгий Владимирович.

– Порядочность – понятие довольно относительное… – пробурчал я, но не стал продолжать, чтобы не шокировать капитана окончательно. – Успокойтесь, Илья Ипполитович, не буду я никого расстреливать. Разве я похож на убийцу?

– Нет, нет, конечно… – поспешил ответить Вебер. Но прозвучало это очень ненатурально.

«М-да… Значит, похож. Ну и ладно…» – хмыкнул я про себя и вдруг спохватился:

– Да, совсем забыл. Распорядитесь задраить все люки на верхнюю палубу и заклинить их изнутри. Кроме того, через который мы выведем преступников. И еще. Хоть какая-нибудь мастерская на корабле есть? Отлично. Прикажите срочно изготовить кандалы. Самые примитивные, но с цепью достаточной для передвижения и работы. Возле топки, к примеру. Замки не нужны, будет достаточно заклепать их наглухо.

– Сделаем. Но всю ответственность я с себя снимаю… – огрызнулся Вебер, но перечить мне не стал. И это правильно.

Вот что за человек? Ага, типичный представитель «кровавого» режима. Нет, конечно же жизнь из многих таких дурь уже повыбила, но этот до сих пор трахнутый на голову. Но ладно, мне по большому счету плевать. Главное, в Царьград меня довези, а там хоть по деснам лупись со своими блудными матросиками.

Бунтовщиков содержали на баке, в какой-то каморке, которая, по словам Вебера, называется шкиперская кладовая. У ее двери флегматично пускал дым из трубки пожилой матрос с берданкой.

Увидев нас, он неторопливо поднялся и отрапортовал:

– Господин капитан, происшествий не произошло. Но смущают ироды всячески. Агитируют, значиться. И лаются поносно. Старший матрос Жмудь.

– Молодец, Иван Ильич! – горячо поблагодарил Вебер матроса. – Я знаю, голубчик, что на тебя можно положиться.

«Голубчик? Сука, если он меня так назовет, выбью зубы на хрен…» – про себя пообещал я и приказал:

– Открывайте. Илья Ипполитович, отойдите на пару шагов и возьмите на прицел дверной проем. И взведите курок на револьвере, прости господи… Ильич, ты тоже будь готов палить из своей фузеи.

Как только открылась дверь, пленные дружно подались вперед, но увидев направленное на них оружие, сразу же отшатнулись обратно.

– В чем дело? Почему отказались от работы?

– А кто нас обещал сегодня отпустить? – нервно выкрикнул Мирон, шепелявя распухшими разбитыми губами, и обернулся к товарищам, словно ища у них одобрения.

– Отпустить?.. – переспросил я. – Хорошо.

Шторм все продолжать крепчать: палуба уже ходила ходуном, а корпус звонко гудел от ударов волн. Даже я, полный профан в морском деле, прекрасно понимал, что уходить сейчас на шлюпке – это верная смерть. А они – тем более должны это понимать. Идиоты? Вряд ли. Значит, просто качают права. Ну-ну…

– Прямо сейчас и отпущу. По одному выходим наружу и становимся на колени, мордой к переборке, держа руки на затылке. Живо!

– Зачем? – осторожно поинтересовался Мирон.

– Как зачем? Опускать буду… – я хмыкнул и поправился: – Вернее, отпускать. Сейчас выведем вас на верхнюю палубу – и до свиданья. Шлюпку сами спустите, но учтите, стопорить ход из-за вас никто не будет. Я свое слово держу.

– Но… – промямлил Мирон. – Там же…

– Э, нет, господин хороший… – вдруг выступил вперед один из матросов. – Так не выйдет. Потопнем же. Лучше стреляй на месте.

– Отказываетесь, значит?

– Отказываемся! – дружно и охотно согласились пленные. – Чай, не умалишенные.

– Ладно, будем считать, что я свое слово сдержал, – я старался говорить спокойно и безразлично. – Вы понимаете, если пароход будет тонуть, никто вашу камеру открывать не будет? Просто не успеем. Вижу, что понимаете, значит, слушайте мое следующее предложение…

Вопрос удалось уладить очень быстро. Не окончательно, но работать они будут. И без кандалов. А потом посмотрим. Может, и отпущу в Константинополе. Или отдам на расправу Шмуклеровичу. Как настроение будет. А Мирон все-таки остался в камере. Знаю я таких людишек, так что пусть посидит. Надо только приказать замуровать дверь намертво, чтобы постового не выставлять.

Что дальше?

А дальше началось такое…

Глава 5

Черное море. Мыс Калиакра.

Пароход «Димитрий»

22 января по старому стилю. 1920 год. 18:00

– Етить… – я тяжело опустился на скамью в душевой и, взбрыкнув ногами, сбросил растоптанные заскорузлые ботинки. – Ну ни хрена себе…

Почти двое суток нас болтало по волнам, как дерьмо в проруби. Уходя из шторма, пришлось дать полный ход, но кочегары больше двух с половиной часов у топки не выдерживали. А когда пароход развернуло бортом к волнам, я уже

вовсе попрощался с жизнью. Пришлось отбросить принципы, напялить на голое тело матросскую робу и упасть на лопату в пару к Александру Николаевичу. Знаете, личные принципы – дело такое, весьма относительное. Как говорится, жить захочешь и не так раскорячишься. И отработали, правда, у меня такое чувство, что… что сейчас сдохну.

Не знаю, каким чудом, но мы уцелели. При всей своей либеральной придурковатости Вебер оказался опытным специалистом и все-таки вывел «Димитрия» к берегам Болгарии, после чего спрятал пароход от ветра за мысом Калиакра.

– Н-да… – я разделся, крутнул здоровенный бронзовый кран и встал под ледяные струи воды. – А-а-а!!! Ух, мля… а могли и потопнуть к епеням. Или… – Встал в театральную позу и, энергично отмахивая рукой в стиле Маяковского, отбарабанил:

Среднего роста, плечистый и крепкий,

В драном пальто, без ботинка и кепки,

Кортик и браунинг есть у него —

Больше не взял он с собой ничего.

Рядом княгиня, в чулках на подвязках,

Платье – утопло в минуту развязки,

Сгинуло вместе со всеми в пучине…

Жмется бедняжка, от страха к мужчине.

Ну, а мужчина снимает рубашку,

Знает, что надо согреться бедняжке.

Кто уже в теме, скажите-ка, а ну-ка:

Что дальше будет…[10 - Стихи Алексея Штейна.]

Вот есть у меня такая придурь. Стихоплетствую порой. По поводу и без повода. Литературный талант, етить. Помню, в свою первую ходку братве помогал

писать в стихах письма «счастья» заочницам, так к каждому второму бабы на свиданки приезжали…

– Браво, барон, браво!.. – за моей спиной вдруг раздался приятный женский голос.

– Простите… – я быстро развернулся и уставился на княгиню Орбелиани. Кетеван, или как я ее уже успел окрестить, Катерина, стояла в дверях, прислонившись плечом к косяку, и иронично похлопывала ладошкой об ладошку. В отличие от остальных пассажиров, она избежала жутких последствий качки и, как всегда, выглядела великолепно. Даже в банном халате. Н-да… особенно в нем.

– Продолжайте, продолжайте, мне нравится… – абсолютно не смущаясь, княгиня в упор рассматривала меня. – Поразительно! Ничего подобного я еще не слышала. Что там дальше?

– Ну… – я слегка усмехнулся, в свою очередь, без стеснения уставившись на мелькнувшую в разрезе халата стройную и белоснежную Катькину ногу. – Извольте… – и совсем уже собрался блеснуть талантом, как вдруг, почувствовав неладное, скосил глаза вниз и с ужасом увидел, как мой детородный отросток стал наливаться могучей силой, прицеливаясь прямо в княгиню. – Гм, Кетеван Ираклиевна…

Видимо разглядев то же самое, что и я, Кетеван вдруг заразительно рассмеялась и ускользнула в предбанник. Уже оттуда донесся ее веселый голос:

– Не буду вас смущать, Георгий Владимирович, домывайтесь. Но поспешите, если через несколько минут я не встану под душ, за себя не ручаюсь…

Чертыхаясь про себя, я включил горячую воду и стал быстро намыливаться. В голове мелькали чередой веселенькие картинки совместного времяпровождения с Катериной свет Ираклиевной, но приступить к действу я никак не решался. Сударыня, не соблаговолите ли разрешить мне потереть вам спинку? Не будете вы так любезны… Или… Тьфу, мля, хрень какая. Никогда не испытывал сложностей с женским полом, как в молодости, так и в зрелом возрасте, господи, да какие с ними могут быть сложности, но вот тут что-то того-этого… Вроде как не шмара, а вовсе княгиня, опять же время, полное условностей и

предрассудков, ну вы понимаете. Понятно, что бабы, за исключением внешней обертки, по натуре все одинаковые: хоть в пятнадцатом веке, хоть в двадцать первом, но получать по мордасам не хочется. А эта… эта вообще может пулю в пузо пустить. Дамочка резкая, с нее станется. Но хороша, жучка, ей-ей хороша…

Кое-как домывшись, я словно римский патриций завернулся в простыню, гордо шагнул в предбанник уже готовый доминировать, но тут же недвусмысленным жестом был выпровожен в коридор. А еще через мгновение на двери ванной комнаты звякнула щеколда, надежно преграждая мне путь к заветному телу.

«Черт… Ладно, вроде как бордели еще никто не отменял…» – я про себя чертыхнулся, совсем уже собрался к себе, но тут послышался голос княгини:

– Барон, я буду совсем не против, если вы, после того как стемнеет, пригласите меня на прогулку по верхней палубе… – И после небольшой паузы она добавила: – Конечно же, если эта мерзкая качка наконец прекратится.

– Мадам, считайте, что вы уже получили приглашение… – не задумываясь ответил я. И тут же слегка ошалел. Хотя нет, «слегка» это не тот термин, описывающий мое состояние. Дело в том, что первая часть фразы из уст княгини прозвучала на французском языке, который для меня равнозначен монгольскому или, к примеру, армянскому. То есть ни тот, ни этот я ни хрена не понимаю. Но Катерину прекрасно понял, мало того, вполне уверенно ответил на том же языке. Откуда?

Уже в каюте пришло понимание, что это шалости бывшего хозяина моей новой тушки. Остаточная память или что-то около того. Откуда мне знать французский, если я всю жизнь учил английский, как в школе, так и в училище с университетом. А вот дворяне в это время как раз просто обязаны были шпрехать на нем, как на своем родном. Неплохо-неплохо, даже не подозреваю, как это действует, но вполне может пригодиться. Может, еще чего вспомню? Вполне вероятно, потому что некие подвижки в этом деле уже заметил. Что-то неуловимо мелькает в памяти, но, увы, пока без всяких шансов на уверенное толкование. Ладно, время покажет. Да и не самое главное это, меня вполне устраивает, что новоприобретенное тельце под полным контролем, да и с осознанием своей личности проблем нет.

Быстро переоделся, сменив бриджи с ботинками на свободные брюки и полуботинки, после чего отправился на верхнюю палубу хоронить капитана. Вопрос назрел, потому что заиндевелый хладный труп в холодильнике вызывал жуткую истерику у дам.

За мысом ветра почти не чувствовалось, но море в бухте все-таки волновалось и пароход порядочно болтало. К счастью, мне досталось тело с приличным вестибулярным аппаратом, и качка переносилась вполне уверенно. То есть меня не тошнило, но все равно передвигаться по ускользающей из-под ног палубе еще то удовольствие.

Все уже собрались. На церемонии присутствовал только экипаж «Димитрия», Израиль Львович с супругой и я с Александром Николаевичем Даценко. Пассажиры после шторма своим внешним видом очень напоминали живых мертвецов, вдобавок жутко смердевших блевотиной, и к самостоятельному передвижению были категорично неспособны, а бунтовщиков я опять запер в кладовку. Княгиня просто не пришла. Без каких-либо объяснений.

Все произошло быстро. Зашитое в брезент тело с привязанным к ногам прогоревшим котельным колосником положили на доску, Илья Ипполитович прочитал молитву, доску опрокинули, и кокон с легким плеском упал в черную, слегка фосфоресцирующую воду. После чего Вебер, я и Даценко по разу пальнули в воздух – все-таки капитан пал в бою. А затем засвидетельствовали произошедшее в бортовом журнале своими подписями, как свидетели. Вот как бы и все. Банально и просто. Впрочем, это к лучшему. Сострадать и проникаться моментом я как-то не готов. Больше всего на данный момент меня волнует совсем другой вопрос.

– Самуил Эныкович…

– Слушаю вас, Георгий Владимирович, – в отличие от меня, кок принял похороны близко к сердцу и настроением не блистал.

– Тут такое дело. Не могли бы вы устроить на верхней палубе… гм… легкий ужин на двоих. Ничего особенного не надо, так… И да, кроме меня будет присутствовать дама…

– Таки вы собрались устроить романтическое свидание? – иронично прищурился Вейсман. – Эх, молодежь… В свое время я покупал кулек семечек и этого таки хватало, чтобы разговеться. Но хорошо, хорошо, есть у меня бутылка шампанского и чуточку шоколада. Сделаю. Зайдете ко мне попозже.

– Буду очень благодарен, – я облегченно выдохнул и подошел к Веберу. – Илья Ипполитович, что дальше?

– До утра постоим на рейде, – устало ответил капитан. – Людям надо отдохнуть. До мыса Туркели, входа в Босфор – сто тридцать две мили. Шторм скоро окончательно утихнет, так что малым ходом предполагаю быть на входе в Босфор к послезавтрашнему утру. Проход самого пролива – отдельная история. Все будет зависеть от наличия свободного лоцмана. Карантин я тоже не исключаю. Кстати, что вы решили с пленными? Работали они исправно, возможно, стоит рассмотреть вопрос помилования?

– Горбатого могила исправит, – не сдержавшись, буркнул я Веберу, больше адресуя этот эпитет ему, чем пленным. – Но я подумаю.

И быстро свалил внутрь, морально готовиться к бурному коитусу под сенью звезд. Хотя нет, точнее к романтическому ужину, потому что со случкой пока все сложно. Может и не выгореть.

А внизу меня неожиданно подкараулил Казимир Карлович. Адвокат выглядел из рук вон скверно, мерзко подванивал, но глаза у него светились азартной настойчивостью.

– Милейший Георгий Владимирович… – старикан цепко ухватил меня под локоть и повел по коридору. – У нас! – Малевич внушительно выделил это слово. – У нас возникли некоторые соображения по поводу владельца судна. Не будете ли вы так любезны выслушать меня?

– Буду. Любезен. Так. – Адвокат вызывал у меня искреннее омерзение, но предполагаемая тема разговора могла быть интересной. – Слушаю вас.

– Дело в том, что Шмуклерович нарушил условия нашего договора о транспортировке пассажиров в Царьград, – четко и размеренно стал докладывать Казимир Карлович. – При том, что финансовые обязательства нами

были исполнены в полной мере…

В общем, пересыпая свою речь юридическими терминами, адвокат предложил мне вступить в сговор, для того чтобы выбить назад из владельца «Димитрия» половину платы за проезд. Гм…

Солидно кивая, я выслушал Малевича и в свою очередь поинтересовался:

– Насколько вы продвинулись в вербовке сторонников, Казимир Карлович?

– Все, кроме купца и княгини Орбелиани! – внушительно отрапортовал старикан. – Но я уверен, они примкнут к большинству. Ваше же участие обречет наше мероприятие к окончательному успеху. Мы же, ради бога не примите за оскорбление, готовы скинуться вам на некоторую премию. Ну же, решайтесь.

– И какими же методами вы собираетесь… гм… требовать возмещения?

– Самыми решительными! – отрубил адвокат и словно Наполеон засунул руку за отворот заблеванного сюртука. – Моральные терзания здесь ни к чему! Если потребуется, привлечем матросов. За малую плату они вытряхнут из стервеца все что угодно.

– А потом из вас. Вытряхнут. Все до копейки, – небрежно заметил я. – Ну уж нет. С матросами пока погодите.

– Да… – смутился Малевич. – В данном случае вы правы.

– Вы уже разговаривали со Шмуклеровичем?

– Да, мы беседовали. Но я не озвучивал сути претензий, просто слегка разведал его настроение. Но каков будет ваш ответ?

– В принципе, я испытываю симпатию к такому решению проблемы… – важно и неопределенно покивал я головой. – Но надо тщательно обдумать некоторые моменты. Посему попрошу вас пока ничего не предпринимать. Сами понимаете, тщательная подготовка – залог успеха. Я с вами свяжусь, Казимир Карлович.

– Отлично! – потирая руки, адвокат умчался к себе в каюту.

А я хмыкнул и направился к Шмуклеровичу. Ну в самом же деле, это просто праздник какой-то.

Шел и рассуждал про себя: «Дерьмо людишки, не люблю таких. Ведь по лезвию ходили, радуйтесь, что живыми остались, забудьте про шкурные интересы, ан нет, едва ожили, сразу вонь пошла. Со стороны никого не надо, сами себя сожрут. Проучить вас, что ли? Очень просто. Достаточно будет сориентировать в правильную сторону классовую ненависть матросов. И конечно же возглавить протестное движение. Весело будет, ой весело! Хотя… Нет, не буду. Пообещал же…»

Шмуклерович мирно ужинал. Со своей распухшей и посиневшей мордой он смотрелся страшновато, но вполне бодро хлебал из расписной миски какой-то супчик, блаженно щурясь после каждой ложки.

Увидев меня, владелец парохода энергично вскочил и радушно заголосил:

– Георгий Владимирович, проходите, дорогой, проходите. А я тут ужинаю, знаете ли. Циля, роза моя, принеси приборы господину фон Нотбеку…

– Увы, вынужден буду отказаться, – состроив скорбную физиономию, я присел на стул и тяжело уставился на судовладельца.

– Что? Что случилось? – сразу заволновался Шмуклерович. – Ой-вей, ну за что мне все эти напасти? Господи, Георгий Владимирович, не томите, говорите уже…

– Пассажиры собираются потребовать вернуть им половину стоимости проезда. Сами понимаете, из-за чего… – мрачно доложился я. – Откуда я это знаю? Все просто, только что Казимир Карлович попытался склонить меня на их сторону. Даже премию обещал, если помогу вас ободрать как липку. И да, они уже все сговорились.

– А я думал, чего этому козлу надо… – задумчиво протянул Израиль Львович. – Крутил тут бороденкой, елозил как вошь на гребешке, так ничего толком не сказал и сбежал. Теперь все сходится… – и вдруг зло выпалил: – А вот хрен ему

по всей морде! От мертвого осла уши они получат! Засужу мерзавцев! У меня связи в Константинополе. Да я…

– Помолчи, Изя! До Константинополя еще добраться надо! – рыкнула на него Циля Абрамовна и сразу же перевела беседу в конструктивное русло, поинтересовавшись у меня: – Георгий Владимирович, что таки вы ответили этому шлемазлу?

– Пообещал пристрелить, – безразлично пожал я плечами. – Что я еще мог ответить? За кого вы меня принимаете?

– За благородного человека! – поспешил уверить Шмуклерович и облегченно выдохнул. – Нет, ты смотри, какие мерзавцы. Я давно подозревал!

– Помолчи, наконец, – опять осадила его жена. – Георгий Владимирович, с этим все равно надо что-то делать. Они так просто не успокоятся.

– Дело осложняется тем… – я сделал внушительную паузу, – что мне неизвестно, насколько расширился заговор. Этот мерзавец упоминал матросов. Сами понимаете, при достаточной финансовой заинтересованности их благонадежность мгновенно испарится. За Вебера я спокоен, но на него особо рассчитывать не стоит. А если эти идиоты выпустят бунтовщиков…

– Я таки получу удар… – судовладелец хватанул ртом воздух. – Ой, Циля, тащи мои капли.

– Да заткнешься ты или нет?! – в сердцах рявкнула на него жена и пристально посмотрела на меня. – Господин фон Нотбек, что вы нам посоветуете?

– Даже не знаю… – покачал я головой. – Разве что…

– А если? – Шмуклерович чиркнул ребром ладони по горлу.

– Вы предлагаете мне убивать женщин и детей?

– Нет, нет, конечно же нет! – замахал руками Израиль Львович. – Но что-то надо делать. Помогите нам, умоляю. Мы вас отблагодарим…

«Куда ты денешься…» – подумал я и внушительно сказал:

– Хорошо, хорошо. Я могу попробовать. Есть одна задумка…

От хозяина парохода я сразу направился в каюту Малевичей. Дора Ипатьевна отсутствовала, поэтому я без помех поговорил с адвокатом.

– Думаю, вам срочно придется отказаться от вашей затеи.

– С какой это стати? – воинственно вздернул бороденку Казимир Карлович.

– С такой. Шмуклерович давно в курсе ваших планов и успел предпринять некие меры. Видимо, кто-то успел проболтаться. По его первому сигналу вас и остальных пассажиров арестуют, а в Константинополе сдадут в руки властей как бунтовщиков. Матросы у него на хорошем жалованьи и церемониться не будут. Устраивает вас такая перспектива?

– Мерзавец! – с невообразимой злостью процедил Малевич. – Кровопивец! Но вы, вы-то, Георгий Владимирович…

– А что я? – пожал я плечами. – Увы, одному мне со всей командой не справиться. И кто потом будет управлять пароходом? Разве что вы мне окажете вооруженную поддержку. Как насчет этого? Я дам вам парабеллум!

– Ну уж нет, увольте! – Малевич шарахнулся от меня как от прокаженного. – Я не военный человек. Ладно, пусть подавится, жид пархатый!

– Этого мало… – я огорченно улыбнулся. – Вас он в любом случае собирается преследовать. Сами знаете, евреи очень мстительны.

– Пфе… Это дело не будет иметь ни малейших судебных перспектив… – презрительно хмыкнул адвокат. – Я разобью все доводы обвинителей в пух и прах!

– Господи, да кто говорит об официозе? Мешок на голову и в море. Делов-то… – сочувствующая улыбка мне всегда удавалась. – Нет человека, нет проблемы. Да-

да, все так серьезно…

– Господи! – ахнул Малевич. – Неужто…

– Да-да… – я взял его за отворот сюртука и легонько потянул на себя. – Идемте, будем извиняться. И не надо перечить, я выступлю вашим поручителем. Да, неприятно, но другого выхода попросту нет…

В общем, в очередной раз все уладилось к всеобщему удовлетворению. Малевич имел очень бледный вид, Шмуклерович – совсем наоборот, торжественный и кровожадный. Я был удостоен материнского поцелуя от Цили Абрамовны, после чего позволил уговорить себя принять скромный презент в виде двухсот фунтов стерлингов.

Все как всегда. Если бы вы знали, сколько людишек попались в свое время на такой нехитрый трюк, то просто ахнули бы. Для начала какой-нибудь «красивый пассажир» получает совершенно беспредельный дикий наезд. После чего, естественно, бежит к своей «крыше», которой исправно платит звонкую монету за защиту. «Крыша» надувает щеки: «Чта? Хто? Порвем нах!» и конечно же берется разобраться. И разбирается, правда, по ходу действия дело всегда обрастает сложностями, за которые уже надо доплачивать. В итоге все образуется, все довольны, и, как правило, «пассажир» даже не догадывается, что наезд был организован его же собственной «крышей». Особенно хорошо эта схема действует, когда фигурант чувствует за собой какие-нибудь «бока». А в данном случае мне даже ничего организовывать не пришлось. М-да… человеки всегда странными были. И будут. Но мы-то, бескорыстные помощники, всегда готовы подставить страждущим свое плечо. Как говорил мой учитель, дядя Митя Старицкий, он же Митя Мамант, интеллигентнейший человек, между прочим: «…людям всегда надо идти навстречу, даже если они об этой встрече пока не подозревают…»

Пребывая просто в прелестном настроении, я умудрился вытащить на верхнюю палубу небольшой столик со стульями, получил от Вейсмана бутылку шампанского «Veuve Clicquot» с коробкой шоколадных конфет «Санъ-Женъ» от фабрики товарищества «Эйнемъ» и совсем уже собрался приглашать ее светлость на променад, как наткнулся в коридоре на Веру Александровну Соломину со своими чадами. Многодетная мамаша была похожа на свежеобращенного зомби, а вот ее отпрыски, плотно укутанные в пуховые платки, напоминали собой жизнерадостных медвежат.

– Георгий Владимирович! – страдальчески простонала женщина. – Умоляю вас, спасите меня!

– Что случилось, Вера Александровна? – я уловил внимательный взгляд детишек, уставившихся на коробку конфет, и спрятал ее за спину.

– Прошу, погуляйте с моими малышами на верхней палубе! Нет, я вас умоляю!.. – заламывая руки, пролепетала она. – Им нужно подышать свежим воздухом, а я… Я сейчас умру. Да-да, не спорьте, умру и все.

«Нет! – коротко ответил я. – Нет, нет и еще раз нет».

Ответил, но только про себя. Потому что отказать мне просто не хватило духу.

Глава 6

Черное море. Мыс Калиакра.

Пароход «Димитрий»

22 января по старому стилю. 1920 год. 21:00

– Хорошо… – скрипя зубами, я кивнул. Нет, это реальная подстава! Зачем мне дети? Нет, они мне совершенно не нужны. Я их… боюсь, что ли. Скорее опасаюсь, но сути это не меняет. Мля, накрылась свиданка.

– Я так благодарна вам, так благодарна… – Вера Александровна совершила разворот кругом и живенько припустила по коридору, напоследок бросив: – Не спешите их возвращать, пусть надышатся как следует.

Вот не понял; какая-то непонятная у нее улыбка была. Торжествующе-стервозная, что ли… Или около того. Ну ладно, поздно пить боржоми, когда почки отвалились.

Дети без команды переместились ко мне.

– Как зовут? Называемся по очереди.

– Федор… – недовольно буркнул мальчик и отвернулся.

– Анна Михайловна Соломина, – быстро присела в книксене девчушка с торчавшей из-под платка тоненькой косичкой.

– Вера Михайловна Соломина, – представилась ее точная копия, вплоть до бантика на косе. И тут же наябедничала: – Я старше! На целый час!

– Враки, нет я! – тут же возмутилась ее сестра.

– А ну тихо! – как можно строже приказал я. – За мной. Ни на шаг не отходим. И да… вот вам… – скрепя сердце открыл коробку и выделил малышам по конфете в яркой обертке. – Всё, на большее не рассчитывайте. Шагом марш…

Про себя чертыхаясь, подошел к каюте княгини. Выдохнул и коротко постучался. Мля, вот что я ей сейчас скажу?

Дверь отворилась почти без промедления, на пороге появилась Кетеван. Короткий опушенный каракулем полушубок, туго стянутая широким кушаком талия, лихо заломленная каракулевая шапочка, очень похожая на папаху, бриджи и щегольские сапожки – выглядела она донельзя импозантно и очаровательно. Я даже засмотрелся на мгновение.

Кетеван удивленно заломила бровь и ехидно поинтересовалась:

– Барон, а когда это вы умудрились обзавестись потомством?

Ответить я не успел.

– Это не наш папа! – с вызовом сообщила Аня. – Наш папенька приедет в Константинополь позже. Когда красных победит. Он полковник. Вот!

– Георгий Владимирович нас только выгуливает, – тем же тоном поддержала сестру Вера. – Потому что маменька его попросила. Не надо его ругать! Он очень добрый и не жадный!

– И вообще, мама красивее вас… – пискнул Федор и по своему обыкновению отвернулся.

В свою очередь, я просто развел руками. А что тут скажешь?

– Возможно, малыш, возможно, – не стала огорчать мальчика Кетеван и неожиданно улыбнулась мне. – Признаюсь, ни один из моих кавалеров не догадывался приводить на рандеву детей. Это такая изощренная тактика, Георгий Владимирович? Но ладно, идемте уже…

– Идемте, – вздохнул я. – За мной, мелочь… то есть, малыши…

Шторм уже полностью прекратился, а небо очистилось от туч и красиво сверкало россыпями звезд. Пароход словно скала неподвижно застыл на воде, очень похожей на черное зеркало, вдали таинственно чернела громада мыса Калиакра. Все это ненавязчиво склоняло к романтике, но… Но дети прилежно выполняли мои приказы и даже ни на шаг отходить не собирались. Вашу мамашу…

– Одну минутку, – я быстро усадил малышей за столик, сунул в карман несколько конфет, а саму коробку подвинул к детишкам. – Вперед, лопайте. Будете себя вести смирно и тихо, завтра получите большую плитку шоколада. Со стульев не слезать. Если чего захотите, позовете. Я рядом…

После чего подхватил бутылку с бокалами и вернулся к княгине, стоявшей у борта парохода.

– Увы, отказаться у меня не хватило духу… – я открыл шампанское, наполнил бокал и передал его Кетеван. – Уж простите…

– Пустое, – тихо сказала княгиня, не отрывая глаз от фосфоресцирующей воды. – Мне импонирует ваша ненапускная мягкая доброта. Но готова поспорить, внутри вы совсем другой. Жесткий, если не сказать жестокий и коварный. Причем все

эти качества каким-то странным образом мирно уживаются между собой. Я угадала?

– За встречу… – я не стал ей отвечать и сменил тему разговора. – Вы грузинка, Кетеван?

– Только наполовину, – слегка улыбнулась княгиня. – Мать у меня была грузинкой, да, а отец сваном. Знаете такую народность?

– Я бывал в Сванетии… – ляпнул я, совершенно упустив тот момент, что это происходило в моей прежней ипостаси. – Очень красивые места. Очень гордый и… очень своеобразный народ.

– Дикий! – расхохоталась Кетеван. – Вы это хотели сказать? Не стесняйтесь, так и есть. Да, мы очень дикие. Так что опасайтесь меня. Итак, давайте побыстрей покончим с формальностями. Ненавижу условности. Я уже почти два месяца вдова, следую во Францию, в свое имение, которое мой покойный муж, по счастливой случайности, еще не успел проиграть в карты.

– Соболезную…

– Не надо, – очень серьезно сообщила княгиня. – Не вздумайте. Терпеть его не могла. Продолжим. Я сравнительно богата, обожаю лошадей и верховую езду, охоту, драгоценности и красивое оружие. Ваша очередь. И учтите, я не терплю фальши.

– Пажеский корпус, гвардия, война, ранение и отставка, – спокойно перечислил я. – Охота, оружие, история, книги, красивые женщины. Не женат. Вот, пожалуй, и все. Политические предпочтения не упоминаю, так как они могут вам показаться противоречивыми.

– Похоже, вы искренни… – протянула Кетеван, оценивающе глядя на меня. – Мне нравится. Налейте еще шампанского. Хоть одна конфета уцелела? Обожаю сладкое…

– А как же. Три… нет, четыре штуки.

– Три моих, одна ваша. Не молчите, говорите…

И говорили. Знаете, в зрелом возрасте, да и в юношеском, я всегда относился к женщинам с сугубо практической стороны. Нет, увлечения были, но очень кратковременные и без всякой сопливой возвышенной романтики. Просто не видел в длительных отношениях ничего, кроме вероятных проблем. А проблем я всегда старался избегать.

Но в общении с княгиней даже не пахло романтикой. Обычный, ничего не значащий разговор уважающих друг друга собеседников. Но, черт возьми, мне все равно не хотелось расставаться с ней даже на минуту. Иронично язвительная, даже в чем-то циничная, удивительно умная, с очаровательной темпераментной мимикой и жестикуляцией, княгиня дико притягивала к себе. Даже поймал себя на мысли, что еще немного, и я влюблюсь в Кетеван без памяти. Не знаю, почему так происходило: может быть, это остатки сознания фон Нотбека проявляли себя, а может быть, я действительно еще не встречал такую женщину. Но, как бы там ни было, остатки здравомыслия все еще оставались на месте, и, обнаружив, что дети слопали все конфеты и мирно задремали прямо за столом, я очень порадовался возможности прекратить свидание. Хватит, хорошего понемногу. А бордель с умелыми девочками окончательно снимет наваждение. Должен же быть в Константинополе бордель?

Кетеван взяла на руки Федора, я подхватил Анну и Веру, после чего мы вернули ребятню мамаше, которая уже передумала умирать и вовсю резалась в преферанс с Дорой Ипатьевной и Цилей Абрамовной. Вот же курица! Впрочем, какое мне до нее дело.

Перед тем как разойтись по своим каютам, мы задержались в коридоре.

– Мне хорошо было с тобой… – Кетеван в первый раз за наше общение обратилась ко мне на «ты».

– Мне тоже… – я ответил чистую правду.

– В таком случае, – княгиня говорила очень серьезно, даже без малейшей тени жеманства, – в таком случае тебе не стоит закрывать свою каюту на замок сегодня ночью.

Сказала и быстро ушла. Я постоял мгновение, смотря ей вслед, и тоже отправился к себе. Раз так… ну что же, не имею привычки отказываться от таких предложений.

Быстро вымылся, выкурил пару папирос и завалился в постель. Сам себе казался спокойным, но сердце бухало словно у пятнадцатилетнего пацана, который наконец стянул трусы с упрямой подружки, наотрез отказавшейся расставаться со своей девственностью.

Время тянулось словно резина, мне уже начало казаться, что слова княгини мне просто послышались, но наконец-то в коридоре прошелестели едва слышные шаги. Тихонечко скрипнув, дверь отворилась, на пороге появился женский силуэт, похожий в свете ночника на призрачное видение.

В голове звякнули колокольчики, предупреждая о каком-то несоответствии, неправильности происходящего, но когда Кетеван сбросила пеньюар и шагнула ко мне, я забыл про всё…

Глава 7

Бывшая Османская империя. Константинополь.

Пароход «Димитрий»

24 января по старому стилю. 1920 год. 13:00

Двое суток пролетели как во сне, мы просто не могли оторваться друг от друга. Конечно же наша связь не осталась тайной для остальных пассажиров, женщины просто исходили негодованием и желчью, но мне и Кетеван было плевать на все и всех. Это было похоже на одержимость, на наваждение, но… Но пришло время, и все рассеялось без следа.

– Как это произошло?.. – Каждое слово отдавалось в голове диким звоном, и я невольно обхватил ее руками. Мысли разбегались, словно перепуганные тараканы.

– Сегодня рано утром она сошла на берег вместе со всем своим багажом, – сочувственно покивал Самуил Эныкович. – И передала вашу просьбу, Георгий Владимирович, не будить. Мол, выспится, сам встанет. А мне что, жалко? Таки и не будил. Думаю, дело молодое…

– Но когда вы не встали к обеду… – подхватил Шмуклерович. – Мне… – он быстро глянул на жену и сразу поправился: – Нам! Нам стало ясно, что дело тут нечисто. Ай-ай-ай, кто бы мог подумать? Меня с ней свели такие уважаемые люди…

– Помолчи, Изя! – как всегда одернула его Циля Абрамовна. – Не видишь, господину фон Нотбеку и так плохо. Поздно уже причитать… – и обратилась уже ко мне: – Георгий Владимирович, вы бы проверили свой багаж. Да-да… от таких, прости господи, прошмандовок ничего другого ожидать не приходится. А мы пойдем, не будем мешать.

Чета Шмуклеровичей дружно потянулась к выходу. За ними вышел Вейсман и тихо прикрыл за собой дверь.

Я немного посидел без движения, потом взял в руки кружку с горячим травяным отваром, приготовленным Самуилом Эныковичем. Настой оказался невообразимо гадким на вкус, но как ни странно боль потихоньку стала уходить, и я наконец привел свои мысли в относительный порядок.

Так… В Константинополь «Димитрий» пришел вчера вечером и стал на рейд в акватории порта. Мы благополучно прошли таможню и паспортный контроль, после чего решили не выходить в город на ночь глядя и переночевать на пароходе.

– Что дальше? – я встал и стал пережидать, пока пройдет головокружение. – А дальше эта сука что-то мне подсыпала в шампанское, и я вырубился. Зачем? Глупый вопрос.

Неожиданно пришло понимание, для чего Кетеван настояла на свиданиях у меня, хотя, по неписаным правилам этого времени, именно мужчина должен посещать женщину.

Окинул каюту внимательным взглядом. Вещи я собрал еще вчера, но следов того, что в них рылись, заметно не было. Все в полном порядке. Странно…

Быстро проверил багаж и обнаружил, что пропало все золото, а валюты, на первый взгляд, осталось всего третья часть. Если не четвертая. Оружие, коробочка с орденами и документами, бумажник с деньгами, пачка турецких лир, а также другие ценные вещи были на месте. Осталось проверить только захоронку в вентиляции. Золото я вчера вытащил из нее, а коробочка с ключом и блокнотом все еще оставалась там.

Но, к счастью, до тайника княгиня не добралась. Впрочем, по большому счету эти счета и ключ мне ни к чему. Все равно ничего про них не знаю.

– Проехали… – я встал и слегка пошатываясь направился в душевую комнату. Злости не было. Была дикая обида на самого себя. Твою же мать, меня, Академика, как последнего лоха, прокатила какая-то сучка! Раздухарился, фраерок, пустил слюнки на сиськи, думал, что Бога за бороду держишь, так теперь нечего скулить. Ладно, Земля не имеет форму чемодана, она круглая, поэтому рано или поздно еще свидимся. Но не думай, жучка, что тебе все сойдет с рук.

Ледяная вода окончательно привела меня в порядок. Голова была странно пустая, но уже не болела. Хлебнув коньяка из фляжки, я принялся одеваться. На пароходе не хотелось оставаться даже лишней минуты. Почему? Да потому что я считал его очевидцем своего позора.

Легкие полуботинки, черные брюки, белая батистовая рубашка и жилет. Повозился немного, вставляя запонки в манжеты, после чего повязал галстук и прихватил его серебряным зажимом с отделкой из сколов бриллиантов. Накинул однобортный твидовый пиджак, а поверх него надел пальто из тонкого драпа. В самый раз, и не холодно будет. На улице явно не тропики. Все оружие спрятал в чемодан, так как Шмуклерович предупреждал вчера, что любой патруль из оккупационных сил вполне может устроить личный обыск. А с ними договориться гораздо труднее, чем с местными полицейскими. Да и зачем мне стволы? Ни с кем я пока воевать не собираюсь. А если точнее, вообще не собираюсь.

Багаж оставил в каюте и пошел прощаться с хозяином парохода и Вейсманом. Никого видеть не хотелось, но хорошие отношения с людьми, особенно в незнакомой стране, это тоже капитал, причем немалый. Так что придется стерпеть.

Повар как всегда гремел кастрюлями на камбузе.

– Самуил Эныкович…

– Таки вы уезжаете? Берегите себя… – кок смахнул слезинку рукавом поварской куртки и крепко обнял меня. – Таки вы пришлись мне по душе. Если задержитесь в городе, приходите чуточку потрындеть за жизнь со старым евреем.

– Обещаю, Самуил Эныкович… – я похлопал старика по плечу и ушел. Черт, никогда не замечал за собой сентиментальности, а тут чуть ли не на слезу прошибает. Не иначе наследие фон Нотбека пробивается. Да и ладно, Вейсман действительно мировой старикан.

Прощание с супругами Шмуклерович прошло быстро и в деловом формате, после чего я отправился к себе, вынес вещи на верхнюю палубу и совершенно неожиданно наткнулся на Александра Николаевича Даценко. Купец был совершенно трезвый и какой-то одухотворенный, что ли.

– Уезжаете? – он по-медвежьи облапил меня. – А я вот еще недельку поживу на «Димитрии», дождусь попутного парохода и махну в Марсель. Найду своих и отправлюсь дальше.

– Куда?

– В Америки… – спокойно сказал Александр Николаевич. – Парагвай или Аргентину. Видно будет. Там землицы много. При земле жить легче. А родина там, где земля твоя. И пусть только попробует какая сволочь отобрать ее у меня…

Я заглянул ему в лицо и понял, что в этот раз он действительно перегрызет глотку любому, кто покусится на его новую родину.

– Держите, – вложил ему в руку скрученные в трубочку банкноты. – От меня, на обзаведение, так сказать.

– Дык я же… – Даценко смущенно улыбнулся. – Я же успел кое-какой капиталец перевести. Зря вы это, Георгий Николаевич.

– Пусть будет, – я едва подавил в себе вспыхнувшее раздражение. Дают – бери, бьют – беги. Что за люди… Не буду же я тебе объяснять, что это честная доля за потрошение Шмуклера. Раньше отдать не успел, потому что случая не было. Правда, она в несколько меньшем объеме, чем я планировал, но, увы, после художеств княгини моя платежеспособность сильно снизилась.

– Может, со мной? – с надеждой поинтересовался купец. – Вдвоем оно сподручней.

– Нет, у меня здесь дела, – отказался я и отошел в сторону, чтобы прекратить разговор. Не до того мне.

В бухте вокруг стоящих на рейде кораблей сновало множество различных мелких суденышек. Громко орали чайки и бакланы, сражаясь за отбросы, плывущие по воде. Остро пахло солью, рыбой и чем-то еще, очень смахивающим на падаль. На берегу раскинулся утопающий в зелени Константинополь. Кстати, вполне европейского вида город, если не учитывать торчащие кое-где среди деревьев и крыш домов тонкие башни минаретов. Впрочем, эта часть города по определению не может быть азиатской, потому что расположена на европейском берегу пролива.

Итак, классика попаданческой литературы: наступил тот самый момент, когда вселенцу наконец-то придется определиться по жизни.

– Так в чем дело?.. – я достал папиросу, вставил ее в мундштук и полез в карман за зажигалкой. – Определяйся давай.

М-да… С чего бы начать? Для начала, меня совершенно не колышет то задание, с которым Георгий Владимирович фон Нотбек отправился в Константинополь. Тем более я ничего о нем не знаю. Нет, кое-какие выводы сделать можно, но… Но не нужно. Как бы это кощунственно ни звучало, на грызню красных и белых я плевал с высокой колокольни. Или, если учитывать местные реалии, – с высокого

минарета. Даже если вдруг свихнусь и все-таки сунусь, увы, ничем существенным помочь белым не смогу. Реалии таковы, что им сейчас сможет помочь только Господь Бог. Да и то вряд ли он захочет заморачиваться. Возвращаться в Россию – тоже не собираюсь. Нет, для процветания, так сказать, в рядах, я достаточно подкован в коммунистической казуистике, но уж извините, нет никакого желания в разгар карьеры оказаться на Соловках или вообще на том свете. Так что лесом. Хотя могло бы получиться интересно. Я улыбнулся и тихонько продекламировал.

Лев Захарыч вручает петлицы

И рекомендует поторопиться.

Финны напали, чтоб сдохнуть, паскудам!

Надо агрессору дать по заслугам.

Браунинг верный и кортик точеный,

Бывший мошенник и заключенный,

Потом эмигрант, и нарком, и зэка

Грудью своей остановит врага!

Рядом – жена-комиссарша-княгиня,

Едет герой на войну на машине.

Звезды в петлицах горят у него,

Больше не скажем о нем ничего…[11 - Стихи Алексея Штейна.]

– Тьфу, мля… – от упоминания чертовой княгини настроение опять упало. – Какая в задницу жена? – Я сплюнул за борт и окрикнул вахтенного: – Любезный, как мне попасть на берег?

– Так мы уже местную лайбу вызвали для вас, – охотно подсказал матрос. – Скоро подойдет. Только больше пары курушей турку за перевозку не давайте.

– Благодарю. – Я опять задумался. О чем речь шла? Ага… В общем, геройствовать на почве изменения исторических реалий, как это делают персонажи очень

многих писателей, творящих на популярной ниве попаданческой литературы, я категорически не собираюсь. Вообще геройствовать не собираюсь. Почему? Во-первых, моя тушка состоит из обычной плоти и совершенно не застрахована от повреждений различными острыми предметами, во-вторых, я не обладаю никакими выдающимися талантами в области техники, военного дела и прочих полезных для попаданца наук, в-третьих… В общем, причин много, поэтому я озвучу самую главную – я не идиот.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Катала – на уголовном жаргоне – шулер, игрок в карты.

2

Винтовка Бердана № 2 – состоявшая на вооружении в Российской империи во второй половине XIX века, однозарядная винтовка под унитарный патрон центрального воспламенения с металлической гильзой и дымным порохом, с продольно-скользящим затвором, калибра 4,2 русской линии, что соответствует 10,67 мм.

3

4,2-линейный (10,67-мм) револьвер системы Смита-Вессона (русская модель) – американский револьвер, использовавшийся в армии США и Российской империи в XIX веке. Револьвер имеет переломную рамку, обеспечивающую извлечение стреляных гильз при наклоне ствола вниз.

4

«Солдатский наган» – модификация револьвера Нагана одинарного действия, требующая ручного взведения курка после каждого выстрела.

5

Вооружённые силы Юга России (ВСЮР) – оперативно-стратегическое объединение белых войск Юга России в 1919–1920 годах, в ходе Гражданской войны. Образованы 8 января 1919 года в результате объединения Добровольческой армии и армии Всевеликого Войска Донского для совместной борьбы против большевиков.

6

Донативные монеты, иначе подарочные (лат. dono – дарю) – монеты, выпущенные не для регулярного обращения, а для раздачи их в виде поощрения или в связи с каким-либо событием. Отличаются от настольных медалей чеканкой по монетной стопе, иногда с обозначением номинала.

7

«Красный корпус» – так называют один из корпусов Херсонского СИЗО, старой постройки, построенный из красного кирпича.

8

Попкарь (жаргонизм) – постовой, коридорный надзиратель.

9

Кормушка (жаргонизм) – специальное отверстие в двери камеры для передачи еды заключенным.

10

Стихи Алексея Штейна.

11

Стихи Алексея Штейна.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bashibuzuk_aleksandr/emigrant-ego-vysokoblagorodie

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить